

РОМАН
ГЛУШКОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕВЕРНЫЙ ШТОРМ

Эпоха стального креста

Роман Глушков

Северный шторм

«ЭКСМО»

2006

Глушков Р. А.

Северный шторм / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2006 — (Эпоха
стального креста)

ISBN 5-699-18143-1

Смутные времена настали для Святой Европы – государства, возникшего на руинах современного мира, почти полностью уничтоженного жестоким Каменным дождем. Моторизированные дружины скандинавского конунга Торвальда Грингсона по прозвищу Вороний Коготь высаживаются на северном европейском побережье и с боями продвигаются на юг, к Вечному Городу. Торвальд уверен, что властитель Святой Европы, Пророк, тайно отыскал древнюю святыню, когда-то принадлежавшую древним богам Севера, – обладающий великой силой рог Гьяллахорн. Чтобы завладеть драгоценным артефактом, конунг готов любой ценой сокрушить неприступные стены Божественной Цитадели. Эрик Хенриксон, бывший охотник Ордена Инквизиции, а ныне изгой, скрывшийся от гнева Пророка в России, попадает в охваченную огнем Европу, согласившись выполнить секретное поручение Петербургского князя. Однако поручение оказывается смертельно опасным, и вернуться обратно будет не так-то легко.

ISBN 5-699-18143-1

© Глушков Р. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
1	7
2	20
3	32
4	41
Часть вторая	62
5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роман Глушков Северный шторм

Самая темная эпоха – сегодняшняя.

Р.Л. Стивенсон

Выбирая богов, мы выбираем свою судьбу.

Вергилий

Пролог

Древний философ Гегель считал, что великие трагические события мировой истории имеют свойство повторяться в виде фарса. Спорное, конечно, заявление. Считать фарсом зверства Ордена Инквизиции Святой Европы станет лишь тот, кто никогда не попадал в руки Божественных Судей-Экзекуторов и не присутствовал на дознаниях в их знаменитых Комнатах Правды. Даже я – Эрик Хенриксон, человек, который больше десяти лет верой и правдой отслужил Ордену, – так и не сумел до конца смириться с ролью палача, верного альгвазила, Охотника за инакомыслящими и богоотступниками.

Семь лет прошло с той поры, как я нашел в себе силы вырваться из этого жуткого лицемерного мира, пропитавшего меня запахом ненависти, крови и горелой человеческой плоти. Семь долгих лет, за которые мне так и не удалось избавиться от груза прошлого, несмотря на все старания. Хотя в какой-то мере виновато в этом было само прошлое, не желающее отпустить меня по причине невыплаченного долга. Размер его был колоссальным и измерялся не только чередой предательств и изменой родине, но и множеством человеческих жизней. Расплатиться со своими кредиторами сполна я мог лишь одним способом – собственной жизнью. Иная форма оплаты была для Ордена Инквизиции неприемлема.

Но сегодня речь пойдет не только об Эрике Хенриксоне и его вынужденном возвращении в Святую Европу. Примета Древних о характере повторяющейся истории была упомянута мной по другой причине. Каким бы огромным ни казался срок существования прежней цивилизации, погибшей во второй половине двадцать первого века под Каменным Дождем, изречение Гегеля показывало, где пролегали границы жизненного опыта наших предков. Всего два витка прошли они по длинной спирали земной истории, успев лишь убедиться, что с определенного момента все в мире начинает повторяться.

Почему в виде фарса? Оставим этот вывод на совести автора высказывания, который, судя по всему, был циничным человеком. Лично у меня язык бы не повернулся назвать фарсом эпоху викингов, что спустя много веков повторили историю варваров, под чьей пятой рухнула легендарная Римская империя. Разумеется, размах завоеваний тех и других не шел ни в какое сравнение, но кровавые набеги норманнов на Европу вовсе не производили впечатления исторического недоразумения. И пусть, в отличие от Римской Европейская цивилизация выстояла и сохранилась, память о деяниях грозных северян пережила даже Каменный Дождь.

Я неспроста выбрал в качестве примера стародавние эпохи варваров и викингов. Вряд ли Древние, при всей своей образованности, подозревали, что по прошествии более чем полутора тысячелетий история северных завоевателей, основательно пошатнувших европейские порядки, получит продолжение. Возможно, не в том эпохальном масштабе, однако, как и тогда, принимать ее за фарс будет ошибочно.

И все-таки доля исторического фарса в истории скандинавского конунга Торвальда «Вороньего Когтя» Грингсона и его кровавого похода на Ватикан присутствовала. Но об этом

сегодня знают немногие. Волею судьбы в их число пришлось войти и мне. Впрочем, обо всем по порядку...

Не исключено, что в будущем кто-нибудь назовет путь нашей цивилизации, возрожденной из руин Каменного Дождя, третьим витком спирали, по которой движется история человечества. Мы шли теми же путями, что и наши предки, в очередной раз наступали на старые грабли и повторяли другие ошибки, прекрасно зная, чем все это заканчивается. К сожалению, уроки мировой истории забываются, даже будучи подкрепленными убедительными примерами, причем забываются достаточно быстро. Наша феноменальная забывчивость, а вовсе не ее трагические последствия и есть главное проявление исторического фарса...

Часть первая

Свинцовые волны Рейна

*A buroxe North Mannorum libera nos, Domine!*¹

1

– Ты законченный параноик, Эрик. Ты просто помешан на этих «Ночных Ангелах». Веришь каждой сплетне болтуна Михаила, после чего не можешь даже нормально уснуть, – с укоризной сказала мне Кэтрин перед тем, как вместе с Люси и Аленом отправиться в Волхов – город неподалеку от Петербурга. Именно там Петербургский князь Сергей содержал свой секретный завод по воссозданию летающих боевых машин Древних, и потому Волхов напоминал скорее не город, а большую крепость. Попасть за ее стены можно было лишь с разрешения князя. У нас с Кэтрин такое разрешение имелось, поскольку нам уже не впервые приходилось скрываться в Волхове, когда контрразведка Петербургского княжества предупреждала нас об очередной угрозе из-за западной границы.

– Чепуха, – возразил я. – «Ночные Ангелы» в моей бессоннице не виноваты. Ты же знаешь, Кэти, что по ночам я читаю. Днем теперь просто не до этого: во дворец прибыло молодое пополнение гвардейцев. В нынешнем году аж пять взводов набрали, и с каждым взводом приходится по полдня на стрельбище нянчиться. И когда же мне читать, если не ночью? Я и так в княжескую библиотеку еще ни одну книгу вовремя не вернул.

– Видела я, как ты читаешь! – покачала головой Кэтрин. – Смотришь в книгу, а сам при этом патроны в пистолетный магазин то снаряжаешь, то разряжаешь. Я нарочно минут пять за тобой наблюдала. Все ждала, когда ты наиграешься, но ты был как заведенный.

– Вот ты о чем! Да разве же это паранойя? – Я постарался улыбнуться, но мысленно огорчился, когда узнал, что за мной, оказывается, скрытно наблюдали целых пять минут, а я и бровью не повел. Хотя стоп: а не говорило ли это огорчение о той самой паранойе, которую подозревала за мной Кэтрин? – Я разве тебе не рассказывал, что у меня с молодости такая привычка – вертеть что-нибудь в руках во время чтения? Для меня это нечто вроде перебирания четок: зарядил магазин – разрядил, потом опять зарядил... Глядишь, нервы и успокоились.

– Значит, признаешь, что нервишки у тебя все-таки пошаливают?..

М-да... Хотел не хотел, а сам сознался в том, что старался скрыть от Кэтрин и детей все эти годы. Да и удавалось ли полностью скрывать это? А что, если моя семья, главой которой семь лет назад я нежданно-негаданно стал, просто делала вид, что со мной все в порядке? И то, что сегодня Кэтрин вдруг решила на этот откровенный разговор, наводило на нехорошие мысли. Возможно, скрытая паранойя (лучше самому признать это и тем самым доказать, что ярлык «законченный» на меня вешать рановато), которой я страдал едва ли не со дня пересечения нами российской границы, перешла в стадию открытой.

Княжеская палата контрразведки, где сегодня служил мой друг, бывший соратник – Охотник Михаил, обладала неплохой агентурной сетью. Как оказалось, агенты русских были внедрены даже в высшие круги ватиканской власти. Они-то и сообщили в Петербург о нездоровой активности, что развернули спецслужбы Святой Европы на восточном направлении после моего громкого побега в Россию вместе с отступницей Кэтрин и детьми опального Апостола

¹ Спаси нас, Господи, от ярости норманнов! (Лат.) Молитва, читаемая в европейских церквях во времена набегов викингов.

Жана Пьера де Люка. «Ночные Ангелы» – секретное подразделение Защитников Веры, созданное для диверсионной деятельности за границей, получило насчет нас соответствующее распоряжение. Сотрудники тайной службы Пророка обязаны были завершить работу, с которой в свое время не справился сам Бернард Уильямс, легендарный Мясник, командир Первого отряда Охотников Инквизиционного Корпуса.

Семь лет минуло после тех драматических событий, но Ватикан так и не простил бывшему командиру Одиннадцатого отряда Эрику Хенриксону его предательства. Уже в который раз за эти годы Кэтрин и младшим детям де Люка приходилось бежать в неприступный Волхов, когда контрразведка получала очередное предупреждение, что тот или иной «ночной ангел» отбыл из Божественной Цитадели на восток. За старшего сына де Люка – Поля – мы были спокойны: вот уже два года он обучался в военном училище при княжеском дворе. Пробраться в Зимний дворец было куда сложнее, чем за стены Волхова, да и не стали бы «Ночные Ангелы» идти на лишний риск из-за беглых детей давно умершего Апостола или рядовой отступницы Кэтрин О’Доннел.

«Ангелам» был нужен только я. Но это не значило, что Полю, Люси и Алену не стоило опасаться мести уязвленного Пророка. Рядом со мной детям всегда угрожала опасность, ибо вряд ли «ангелы» пощадят детей Жана Пьера, попадись те им под руку. Эта мысль просто сводила меня с ума. Мог ли я сегодня защитить тех, кого семь лет назад чудом вырвал из лап кровожадного магистра Аврелия? Все-таки тогда я был моложе и закален службой в Корпусе, поэтому и сумел противостоять бывшим собратьям-Охотникам. Годы мирной жизни при княжеском дворе пагубно сказались на боевом духе охотничьего пса. Я имел все основания полагать, что давно утратил хватку и нюх на опасность.

Сегодня Эрик Хенриксон, некогда известный в Братстве Охотников как Стрелок, работал инструктором на стрельбище дворцовых гвардейцев Петербургского князя. Эта работа вселяла в меня некоторую уверенность, что навыки, преподанные мне в ватиканской Боевой Семинарии и закрепленные десятилетней службой в Инквизиционном Корпусе, еще не окончательно позабыты. Кроме этой уверенности да регулярных тренировок в стрельбе, больше мне утешиться было нечем.

Права Кэтрин: Эрик Хенриксон – параноик. В каждом ночном шорохе, в каждом брошенном на меня косом взгляде, в каждом резком движении находящихся поблизости людей я вижу угрозу. Дамоклов меч в лице «Ночных Ангелов» отучил меня расслабляться и получать удовольствие от жизни. И если бы не дети, во всех комнатах нашего дома я держал бы по паре заряженных пистолетов. Того, что лежал сегодня у меня в домашнем сейфе, мне было явно недостаточно. Я действительно мучился приступами бессонницы, а когда засыпал, то часто видел во сне одну и ту же сцену: умирающий на мокром песчаном берегу залива Сен-Мало командир Пятого отряда Карлос Гонсалес, который из последних сил проклинает меня на веки вечные. Сбылось предсмертное проклятие Охотника Матадора – нет мне больше спокойной жизни на этой земле, даже под защитой могущественных российских покровителей.

Вот уже три года я не прячусь в Волхове после того, как Михаил предупреждает меня о возможной угрозе. Надоело бегать от своих страхов. Провожая в убежище Кэтрин и ребятшек, а сам остаюсь в нашем петербургском доме и коротаю вечера в одиночестве, сидя у камина с книгой. И при этом постоянно перезаряжаю пистолетные магазины. Совмещать абсолютно несовместимые занятия – чем не признак скрытого помешательства на нервной почве? Мой семинаристский инструктор по стрельбе Анджей рекомендовал неустанно практиковаться во вспомогательных стрелковых навыках: снаряжении магазинов, разборке пистолета и прочих. Анджей всегда подчеркивал, что подобные тренировки столь же важны, как и сама стрельба. Кажется, я воспринял советы наставника слишком близко к сердцу и с тех пор постоянно ощущал дискомфорт, если в процессе чтения или иного спокойного отдыха мои руки оставались не у дел.

Порой ради самоуспокоения я позволяю себе выпить перед сном стакан-другой вина. Не больше, хотя у меня частенько возникает желание напиться в стельку. Я не делаю этого лишь потому, что боюсь утратить над собой контроль и открыть стрельбу по собственной тени или отражению в зеркале. И если такое вдруг все же случится, мне не останется иного выбора, как признать себя социально опасным психопатом и пойти добровольно сдаваться в ближайшую психиатрическую клинику. Но на данный момент я еще не утратил выдержку и здравомыслие и способен удерживать свою паранойю в узде.

Вопрос лишь в том, надолго ли хватит той силы воли.

Кэтрин знала, что я опять откажусь от поездки в Волхов, но все равно по традиции долго упраскивала меня прекратить глупое бравирование, подумать о ней и детях и отправиться с ними в убежище. Милая заботливая Кэтрин, мой рыжеволосый ангел-хранитель! Что бы я без нее делал? Лишь благодаря ей и детям я еще не утратил человеческий облик и не подался в глухое отшельничество, куда-нибудь, вроде Мурманского княжества.

Не знаю, как Люси и ее младший брат Аллен, которому в прошлом месяце исполнилось двенадцать, но Кэтрин мое упрямство прекрасно понимала. Именно это упрямство спасло нас во время бегства из Святой Европы, и именно из-за него я отказался продолжать убегать из Петербурга при малейших признаках опасности. Кэтрин как-то призналась, что любит меня в том числе и за мое мальчишество, без которого она и дети давно были бы мертвы. Что ж, видимо, огненноволосая ирландка и здесь права.

Однако, как ни крути, а моему упрямству до упрямства Кэтрин очень и очень далеко. Видели бы вы, как когда-то она убегала от меня по крыше монастыря Мон-Сен-Мишель, а потом откровенно наслаждалась, дразня нерасторопного командира Одиннадцатого отряда с высокой монастырской башни... Да, лихие деньки выпадали на нашу долю, что там говорить. Хоть и добавили они седых волос в мою некогда черную шевелюру, доставшуюся мне в наследство от матери-испанки, а все равно приятно вспоминать бывшее в зимний вечер у камина со стаканом вина...

Все та же пестрая компания – книга, вино, мой молчаливый стальной друг по фамилии Стечкин и две плохо ладившие между собой подруги Ностальгия и Паранойя – третий вечер кряду скрашивала мое одиночество. Не сказать, что вместе нам было весело, но атмосфера у камина сохранялась теплая, и даже неугомонная Паранойя волей-неволей задремала. Вслед за ней и я начал клевать носом. Радовало то, что в связи с лютыми морозами командир дворцовых гвардейцев полковник Слепнев отменил на завтра полевые занятия с новобранцами, и большинство инструкторов, в том числе и я, получили незапланированный выходной. В отсутствие Кэтрин я мог бы до обеда проспать в своем любимом кресле. Но к утру от погасшего камина потянет холодом и мне придется либо снова растапливать его, либо перебираться в спальню, поближе к батарее центрального отопления. Так что я не спешил погружаться в сон, просто наслаждался полудремой, слушая потрескивание горящих поленьев да завывание выюги за окном.

Проклятые морозы! Семь лет живу в России, а так к ним и не привык. Может быть, поэтому я так чутко реагировал на малейшие сквозняки, что особо свирепствовали в закрытых тирах, где мне приходилось проводить занятия с гвардейцами. Первые годы эмиграции я по ползимы страдал от насморков и простуд, но потом акклиматизировался, закалился и теперь переживаю лишь дежурный осенний насморк. Впрочем, терпимостью к здешним сквознякам я все равно не проникся. Эти коварные мерзавцы отвечали мне взаимной антипатией и всегда норовили при случае испортить настроение. Как, например, сейчас, когда я пригрелся у камина, разморенный теплом и вином. Только странно, откуда в утепленном помещении ни с того ни с сего возник сквозняк?..

Паранойя проснулась во мне быстрее, чем полусонное сознание. Почувствовав стелющийся по полу холодок, я мгновенно выскочил из кресла, схватил «стечкин» и уже через секунду находился в темном углу комнаты, взяв на прицел дверь в коридор. И только после этого окончательно очнулся от дремоты. Коснувшись ладонью ковра, я убедился, что сквозняк действительно был, а не почудился мне спросонья. И хоть в данный момент он уже прекратился, проникший в дом морозный воздух все еще охлаждал руку.

Наш довольно роскошный двухэтажный особняк, великодушно подаренный нам князем Сергеем, стоял на Аптекарской набережной, неподалеку от Кантемировского моста (по иронии судьбы, раньше в этом доме проживал какой-то высокий чиновник, казненный за шпионаж в пользу Святой Европы). Сквозняки на берегу Невы были вполне обыденным явлением, но предусмотрительная Кэтрин еще осенью утеплила в доме все щели, так что холод мог проникнуть сюда лишь от одной из трех входных дверей: парадной, служебной либо двери пожарного выхода. Откуда именно сквозило, определить из гостиной не удавалось, но в том, что дверь была на мгновение приоткрыта, я не сомневался. Забранные крепкими решетками, окна были вне подозрений – их и летом было проблематично отпереть, а зимой тем более. Список посетителей, которые могли наведаться ко мне без стука в час ночи, состоял всего из двух человек: Кэтрин и Поля. Однако первая уже зажгла бы в прихожей свет, а второму запрещалось покидать казармы училища в столь позднее время. Разве только Поль намылился в самоволку, но это было маловероятно – старший сын Жана Пьера де Люка вырос на редкость дисциплинированным юношей, и карьера военного подходила для него идеально.

Оставались лишь те незванные гости, которые в моем списке не значились, но к их появлению я давно был готов. Вернее, полагал, что был готов. А так это на самом деле или нет, предстояло выяснить.

Треск догорающих в камине поленьев мешал расслышать, что происходит за пределами гостиной, а злоумышленник, который сумел без проблем отпереть входную дверь, разумеется, не стремился быть обнаруженным. Поэтому я предпочел пока отсиживаться в своем укромном углу – идеальном укрытии, где резкий контраст света от каминного пламени и тени делал меня практически невидимым даже на расстоянии вытянутой руки. Пассивная тактика выжидания являлась не менее действенной, чем активный поиск злоумышленника: кто бы ни пробрался в дом, пусть даже обычный воришка, мимо гостиной ему не пройти – он просто обязан убедиться, где находится хозяин. Если же ублюдок прибыл сюда не за ценностями, которых у нас с Кэтрин в общем-то и не имелось, а за моей головой, тогда встречи с ним не избежать и подавно.

Громоздкий тяжелый «стечкин» весил как пистолет-пулемет (каковым он, по сути, с пристегнутой кобурой-прикладом и являлся), и держать его долго наведенным на цель было неудобно. Перекладывая пистолет из руки в руку, я стал по очереди разминать затекающие запястья. Сказывался-таки возраст – даже несмотря на регулярные тренировки, о былом мастерстве обращения с пистолетом теперь приходилось лишь мечтать. Зато как кровь в висках застучала! Будто на первом боевом задании после выпуска из Семинарии! Эх, если бы еще не одышка, ноющая от хондроза спина да скрипучие коленные суставы, был бы и вовсе полный возврат в молодость. Признаться, отвык я от пропитанной адреналином атмосферы настоящей Охоты. И потому внезапное погружение в нее было равносильно большой порции воды, залпом выпитой страдающим от жажды путником: и приятно и мучительно одновременно.

Не слишком полагаясь на слух, я сильнее напряг зрение, стараясь не проворонить момент, когда в дверном проеме покажется силуэт недоброжелателя. И тут же рассмотрел справа от себя на полу какое-то шевеление. Едва заметное, словно на ковре в том углу копошилась крыса. Уж кого-кого, а подобных хвостатых иждивенцев в хозяйстве чистоплотной Кэтрин отродясь не водилось. Однако мне не почудилось: что-то мелкое действительно двигалось по полу в нескольких шагах от меня.

Не опуская пистолет и не выходя из тени, я скинул шлепанцы, а затем аккуратно, на цыпочках, подкрался к источнику странного звука. Как выяснилось, шуршала и шевелилась сминаемая в гармошку длинная ковровая дорожка. Она лежала у дальней стены гостиной и одним концом уходила в щель под дверь, что вела в коридорчик между детскими комнатами. И теперь дорожка, словно живая, медленно выползала в гостиную, подталкиваемая кем-то с другой стороны.

Попасть в тот коридорчик можно было не только из гостиной, но и через пожарный выход, который я старался не загромождать всяким ненужным хламом. Такова оказалась обратная сторона противопожарной безопасности! Дверь, предназначенная для экстренной эвакуации детей из горящего дома, с той же легкостью впустила злоумышленника. У меня внутри все похолодело, когда я представил, что могло бы случиться, спи сейчас Люси и Аллен в своих кроватях. Пока я поджидал в засаде рыскающего по дому негодяя, он мог шутя расправиться с детьми и столь же незаметно ретироваться, если бы решил, что их смертью я сполна рассчитался с Пророком.

Чем незваному визитеру помешала ковровая дорожка, я догадался через несколько секунд, когда в освободившуюся под дверь щель просунулась небольшая железная трубка, в изогнутый конец которой была вделана линза. Ну и кто после этого посмеет назвать Эрика Хенриксона параноиком? Предназначение немудреного оптического прибора не составляло для меня загадки, поскольку мне не однажды доводилось пользоваться таким на службе в Корпусе. Более того, я даже во мраке определил, что портативный перископ для наблюдения из укрытий, каким пользовались Охотники, и перископ, что просунул свой стеклянный глаз в мою гостиную, изготовлены по одним чертежам и на одном заводе – Карла Цейса в Берлинской епархии. Иными словами, скрывающийся за дверью недоброжелатель только что предъявил мне свое служебное удостоверение.

Сомнительно, что он обнаружил меня в темноте – в такие перископы и при дневном свете не больно-то много разглядишь. К тому же огонь в камине слепил наблюдателя и оставлял у него в глазах блики, что могли затем оказать ему во мраке медвежью услугу. Незримый злоумышленник поводил объективом перископа туда-сюда, после чего взялся неторопливо извлекать прибор из-под двери. Заметь враг изготовившуюся к бою жертву, он вел бы себя по-другому.

Осознание превосходства над противником пробудило во мне то самое мальчишество, о котором я только что упоминал. Ситуация позволяла взять негодяя тепленьким, но промедли я еще немного – шансов на это будет уже меньше.

Я вскочил с корточек – от долгого пребывания в неудобной позе у меня уже начинало сводить колени – и что было сил двинул ногой по двери, за которой притаился незванный гость. Эта дверь не запиралась и открывалась как раз туда, куда нужно. Склонившегося у ее порога человека ожидал пренеприятный сюрприз: удар в лоб, после которого вряд ли получится прийти в себя за пару секунд.

Однако распахнутая мной дверь не нанесла противнику ни малейшего ущерба. Судя по всему, в последний момент враг почуял за дверью оживление и отпрянул. Вложив в удар все силы, я потерял равновесие, не устоял на ногах и растянулся на полу прямо перед злоумышленником. Какой досадный промах! Но я сам виноват: с моими скрипящими суставами и затекшими ногами глупо было вообще уповать на молодецкую удалость. Мальчишество не раз выручало меня из бед, оно же явно меня и погубит...

Случившийся конфуз обещал стать фатальной ошибкой, но, не сумев вырубить врага, мне все же удалось его напугать. Вместо того чтобы выстрелить мне в затылок, злоумышленник метнулся в комнату Поля, молниеносным движением уходя с линии огня. Шустрый малый, надо отдать ему должное. Подобному приему меня обучал инструктор Анджей, только вот мне сегодня было уж не до такой прыти.

Негромкие хлопки, сопровождающиеся лязгом автоматического затвора и ритмичными ударами по дереву... Враг стрелял наугад из пистолета с глушителем в надежде, что пули пробьют деревянную стену и поразят меня, пока я лежу на полу. И ты прокололся, братец! Это в относительно теплой Европе внутренние перегородки домов делаются из тонких досок, а в морозной России таковые почти не отличаются по толщине от капитальных стен. Честь и хвала петербургским архитекторам, только что спасшим мою никчемную жизнь! Если выживу этой ночью, следующий мой бокал вина будет выпит за их здоровье.

Враг очутился в тупике, потому что в комнате Поля имелась всего одна дверь, а на окне, как и во всем доме, стояла прочная решетка. Я еще не забыл, что представляет из себя самоубийственная ярость, с которой сопротивляются загнанные в угол обреченные противники. Обезумевший от отчаяния враг мог выскочить прямо под пули и, прежде чем умереть, успеть прихватить с собой в Ад и меня. Конечно, морозов в Аду нет и в помине, однако это не повод, чтобы отправиться туда из заснеженного и промозглого Питера. По мне, уж лучше мерзнуть в России, чем греться в Преисподней.

Я не собирался умирать сегодня в собственном доме. Мальчишество закончилось, ему на смену пришли здравомыслие и осторожность. Пока враг суматошно оценивал ситуацию, я вскочил с пола, бросился в гостиную и, с грохотом уронив на пол массивный книжный шкаф, засел за ним, как за баррикадой. Место для отражения атаки было выбрано стратегически удачное. Зайти ко мне в тыл таинственный злодей мог только с улицы – через парадную или служебную дверь, – однако его единственный выход из дома находился у меня на мушке. Чтобы добежать до пожарной двери, врагу потребуется три секунды – за это время я всажу ему в спину полдюжины пуль, даже не целясь. Или столько же пуль в грудь, надумай он не бежать, а атаковать мою баррикаду.

– Ты проиграл, ублюдок! – злорадно проорал я, первым нарушив молчание, что снова воцарилось в доме. – Или сдавайся, или пускай себе пулю в лоб, но к своему сраному Пророку ты не вернешься!

– Лучше ты застрелись, поганый Бегущий Мертвец! – громко, но спокойно отозвался враг. Самообладание в его голосе мне сильно не понравилось, поскольку даже я, занявший выгодную позицию, не мог похвастаться подобной уверенностью. Меня определенно почтил визитом «ночной ангел», а не какой-нибудь рядовой соискатель премии за мою буйную голову. Любопытно, во сколько сант-евро она теперь оценивается? – Сегодня тебе не заболтать меня словами! Я не уйду отсюда, пока не увижу твой дырявый череп!

О чем это он толкует, хотелось бы знать? Когда и в связи с чем я уже вешал ему лапшу на уши? Бегущий Мертвец – этим презрительным прозвищем наградил меня сам Бернард-Мясник. Блестящий кумир моей семинаристской юности, он ничуть не сомневался, что схватит меня или убьет – Бернарда обязывало данное перед строем Охотников Слово Командира. Не выгорело. Бегущий Мертвец не только сбежал и не умер, но и отправил в могилу самого Мясника. Бернард Уильямс был последним на моей памяти, кто называл меня таким прозвищем. Неужели среди моих бывших собратьев оно еще в ходу?

– Мы что, знакомы? – поинтересовался я, стараясь припомнить этот холодный самоуверенный голос, но никаких ассоциаций в памяти не возникало.

– Еще как знакомы! – подтвердил наглый интервент. – Будь проклят тот день, когда я познакомился с такими продажными тварями, как ты, Михаил, Конрад и остальные! Погодите, каиново отродье, рано или поздно мы до всех доберемся!

– Сколько экспрессии! Тебя случайно не магистр Аврелий полемике обучал? Как, кстати, самочувствие вашего главного мастера заплочных дел? – Я взял язвительную ноту, на которой обычно разговаривал с угрожающими мне врагами. Кому-то для поднятия духа требовался алкоголь, кому-то иной стимулятор, а мне всегда придавал уверенности мой сарказм – неотъ-

емлемая черта испано-скандинавской натуры, уникального коктейля, смешанного из холодной нордической и гремучей южной кровей.

Однако не успел я договорить, как из комнаты Поля вылетел серебристый цилиндр, смахивавший на маленькую консервную банку. Брошенная врагом штука отскочила от стены коридора и угодила точно в дверь гостиной, после чего брякнулась на ковер и подкатилась прямо к моей баррикаде.

Я тоже успел на своем веку побросать гранаты, однако раньше они никогда не падали мне прямо под ноги. Что делать в подобном случае, я знал лишь теоретически, но притупившийся инстинкт самосохранения сработал правильно. Пусть с запозданием, но сработал.

Закрыв уши руками, я, как подкошенный, плюхнулся на пол, успев за секунду и попрощаться с жизнью и подумать, что вражина мог ведь и впрямь швырнуть консервную банку, дабы я купился на эту уловку и дал ему выиграть несколько драгоценных мгновений. И я купился. А куда деваться? Чересчур рискованно проверять, блефует враг или нет. «Нет» означало для меня однозначный и моментальный конец.

Подлец не блефовал – граната и впрямь оказалась настоящая. Но взорвалась она вовсе не так, как я боялся. Взрыв не раскурочил гостиную и не обратил меня в изуродованный труп. Вместо взрыва раздался лишь хлопок и возникла яркая вспышка, на мгновение превратившая ночь в ясный день, да не простой, а озаренный целой дюжиной солнц. Зажмуриться я не успел, и перед глазами заиграли ослепительные радужные блики. Вызванная обильные слезы резь была такой, словно мне в глаза еще и кислоты плеснули. Спасибо моей не до конца атрофированной реакции – при вспышке я пялился в пол, а иначе гарантированно получил бы ожог сетчатки и ослеп. Но даже неполноценный шоковый эффект нанес мне урон. Слезы и сонм разноцветных «зайчиков» застилали мне взор. И хотя после вспышки в гостиной уже должна была наступить темнота, мне до сих пор казалось, что на небе продолжает сверкать плеяда солнц, льющих в окна потоки нестерпимо ярких лучей.

Если бы не пистолет и горящий камин, что также помог мне выйти из трудной ситуации, сомневаюсь, что я написал бы эти строки. Все, что я мог сейчас видеть, – это размытые очертания шкафа-баррикады да оранжевое световое пятно от каминного огня. Условия, в которых мне приходилось отражать атаку, были еще хуже, чем у ослепшего Самсона в его последней битве с филистимлянами. Тот хоть мог крушить руками колонны и давить врагов обломками здания, а мне, кроме верного «стечкина», полагаться было не на что.

Я знал, что за вспышкой непременно последует вражеская атака, счет шел уже на секунды. Дабы создать иллюзию, что нахожусь в абсолютной беспомощности, я принялся жалобно кричать и для пущей убедительности выстрелил несколько раз наугад вверх баррикады. Пусть противник думает, что я ослеп и впал в панику. А вот вставать с пола я не торопился: поваленный шкаф служил для врага серьезным препятствием, и, чтобы прикончить меня, «ночному ангелу» требовалось обежать преграду со стороны камина. Я надеялся, что почуявший близкую победу ватиканец не догадается, в какую ловушку его загоняет жертва – агонизирующая, но все еще смертельно опасная, как недодавленная змея.

Конечно, враг мог легко разрушить мою зыбкую стратегию, но это, как говорят в России, бабушка надвое сказала. Моя бурная симуляция агонии обязана была внушить противнику уверенность и как следствие заставить его пренебречь осторожностью. Лишь на самую малость, достаточную для того, чтобы я успел первым спустить курок.

Я пытался расслышать приближение врага по звуку шагов, но ватиканский рыцарь плаща и кинжала обогнул баррикаду по-кошачьи тихо. Сохранять бесшумность даже в стремительной атаке – признак отменной выучки. Но в этом скоротечном поединке я полагался на слух во вторую очередь. А в первую, как это ни парадоксально, доверился полуослепшим глазам, что неотрывно следили за оранжевым пятном света от каминного огня. Туда же был нацелен и ствол «стечкина», в магазине которого еще оставалась половина патронов.

И когда свет камина вдруг померк, я без промедления выпустил в том направлении три пули, а затем, совершив резкий пережат по полу, выстрелил еще шесть раз. Траектории последних пуль веером расчертили гостиную и предназначались уже для добивания врага. Я знал, что, по крайней мере, два первых патрона были израсходованы не впустую – малая дистанция до цели позволяла определить это даже на слух.

Звук падающего тела и звон стекла – подстреленный ублюдок рухнул на мой любимый журнальный столик, – однако, не позволили мне допустить ту же ошибку, что и враг. Еще как минимум две минуты я пролежал на полу, за креслом, держа пистолет наготове и стараясь слезящимися глазами разглядеть, насколько пострадал злоумышленник и не намерен ли он сопротивляться. Хруст и скрежет битого стекла, а также неразборчивая сдавленная брань говорили о том, что «ангел» пытается подняться на ноги, но у него это не выходит. Вряд ли он симулировал агонию – хрип простреленных легких не подделаешь.

Я дождался, когда шумное дыхание ватиканца станет прерывистым и редким, и только потом поднялся с пола и приблизился к поверженному противнику, чье лицо скрывалось под вязаной маской-шапочкой. Не спрашивая умирающего ни о чем, я оказал ему ту же услугу, что когда-то и Карлосу Гонсалесу. Избавить врага либо смертельно раненного собрата по оружию от мучений – одна из редких милостей, о которой не надо просить Охотников, как настоящих, так и бывших.

– Спасибо, что хоть ты не проклял меня, – поблагодарил я уже мертвого «ангела», сделав это совершенно искренне. Он и впрямь заслужил благодарность: быть дважды проклятым умирающими – пожалуй, это уже чересчур...

Зрение постепенно возвращалось в норму. Правда, глаза еще болели и слезились, но выключатель на стене я отыскал с первой попытки. Тусклый свет лампочки озарил гостиную и показал во всей красе ее разгромленное убранство. Кэтрин это явно не понравится, но повод для оправданий у меня имелся железный.

Я поставил пистолет на предохранитель и, пытаясь унять нервы, приложился прямо к горлышку недопитой бутылки вина, чудом не разбившейся вместе со столиком. Руки мои подрагивали: еще один признак утраты боевой формы; раньше подобное случалось крайне редко. Настала пора выяснить, кто именно из старых знакомых наведлся ко мне с незапланированным визитом. Сомнительно, что убийца явился с компанией, иначе другие «ночные ангелы» не стали бы мяться у порога, пока их товарищ доводил до хозяина этого дома волю своего Пророка.

Я снял с покойника маску и тщательно вытер ею его заляпанное кровью лицо. Помыслы негодяя не сбылись, как и помыслы Мясника. Я угрюмо вздохнул: следующий «ангел», который решит пожаловать по мою душу, может оказаться рожденным под более счастливой звездой...

Михаил заявился через полчаса после случившегося, сделав это с присущей только ему бесцеремонностью. Но сегодня его бесцеремонность перешла все допустимые рамки. Сначала в парадную дверь громко и настойчиво постучали, однако не успел я спуститься со второго этажа, откуда обзирал ночную набережную, как под окнами раздался чей-то встревоженный крик:

– Вижу труп! В гостиной, на полу, возле камина!..

– Ломайте дверь! – тут же последовал категоричный приказ моего беспардонного товарища.

– Стой!!! – заорал я, спеша к лестнице. – Я тебе сломаю, ублюдок!

– Кто-то кричит! – вновь забеспокоились снаружи.

– Кажется, Эрик еще жив! – вынес заключение Михаил и рявкнул: – Быстрее ломайте, сукины дети!

После этого торопиться в прихожую было уже не обязательно. К тому же останавливать команду Михаила было не только бесполезно, но и опасно. Одновременно шарахнули три дробовика, снося дверные петли и вышибая замок, после чего выломанная дверь была отброшена прямо на тротуар. Грохот еще не стих, а ко мне в прихожую уже ввалились с оружием на изготовку два дюжих «бобра» – так здесь именовали в просторечии жандармов из бригады быстрого реагирования. В пределах княжества это универсальное спецподразделение приходило на помощь коллегам из любых других ведомств, в том числе и контрразведке. Я еще не успел сообщить об инциденте кому следовало, но, очевидно, слышавшие выстрелы соседи меня опередили и вызвали жандармов. А те, по всей видимости, оповестили Михаила, который отнесся к поступившему сигналу тревоги со всей присущей ему серьезностью. То есть, как обычно, перегнул палку, когда можно было этого не делать.

– Стоять! Оружие на пол! Руки на затылок, ноги врозь, лицом к стене! – гаркнули «бобры», перекрикивая друг друга. Только тут я спохватился, что, находясь под стрессом, вышел встречать «гостей» с пистолетом в руке. Пришлось подчиниться. Вот бы Пророк потешился, когда узнал, что отступник Хенриксон был застрелен по ошибке в собственном доме ретивой питерской жандармерией! Приятный сюрприз выдался бы для Его Наисвятейшества.

Один из «бобров» грубо ткнул меня в затылок, отчего я стукнулся лбом о стену, и начал кропотливо обыскивать. Второй жандарм ногой отпихнул «стечкин» к двери и, взяв на мушку лестницу, свистом подал сигнал товарищам, чтобы те входили за дозорной группой. Еще три вооруженных крепыша ворвались в прихожую, а уже за ними с пистолетом в одной руке и тростью в другой порог переступил Михаил. Да, с его хромотой ходить в авангарде штурмовой группы было уже нельзя. Хотя раньше, когда Михаил Михайлыч служил в Братстве Охотников под моим командованием, он частенько лез на рожон, порой даже вопреки моим приказам.

Или после всего пережитого у меня был слишком потрепанный и неузнаваемый вид, или Михаил плохо продрал спросонья глаза, только, когда он наконец-то опознал меня в полумраке, «бобры» успели осмотреть почти весь дом.

– От те на! – прокомментировал контрразведчик мою неприглядную позу, в которой я оставался по приказу сторожившего меня жандарма. – Извиняй, товарищ, накладочка вышла. Ну да с кем не бывает... Клянусь моими обожженными усами, мы уж думали, что тебе хана... У, головотяпы!

И Михаил соорудил жандарму свирепую многообещающую рожу, отчего пышные усы контрразведчика взъерошились, словно загривок злобного пса. Жандарм моментально просек, что контрразведка рассержена, убрал оружие и немедленно продублировал извинения.

– Накладочка?! – заскрежетал я зубами, почесывая ушибленный лоб. – От гребаного ватиканца ущерба меньше, чем от вас! Да, поганец чуть меня в гроб не загнал, но он хотя бы не стал дверь выламывать!

– Это точно был ватиканец? – посмотрев на лежащий в гостиной труп, невозмутимо уточнил Михаил. Он давно усвоил, что любое мое возмущение обычно сходит на нет за пару минут. – Почему ты так уверен, что покойничек оттуда? – Он ткнул пальцем в сторону Финского залива. – Может быть, Ватикан просто нанял на это дело кого-то из местного отребья?

– Сам убедись, – буркнул я, понемногу остывая от нахальства жандармов, и попросил: – Только пусть парни сперва дверь на место поставят, а я уже потом почию, как надо. Не март месяц все-таки.

– Не май! Так у нас принято говорить. – Михаил не преминул закрасить еще один пробел в моих познаниях в русском языке. – Это тебе не Святая – тьфу на нее! – Европа. Здесь март от февраля ничем не отличается.

– Иди ты... – отмахнулся я, не желая вступать в филологические дискуссии при посторонних. Да и момент для этого был неподходящий.

– Степа, Коля! – Контрразведчик ткнул пальцем в двух ближайших «бобров». – Слышали просьбу этого законопослушного гражданина? Сделайте доброе дело, приберитесь тут малость.

Степа и Коля, которые, поставленные рядом, запросто перекрывали собой прихожую, скуksились, но без пререканий отправились выкапывать из снега входную дверь. А их товарищи и руководитель операции проследовали вслед за мной в разгромленную гостиную...

Я отлично знал, что хромоногий Михаил может легко обходиться без трости. И хоть хромал он довольно сильно, на самом деле его хромота была не такой уж мучительной. Если требовалось, калека даже мог пробежаться трусцой – я своими глазами видел, как однажды он задал стрекача, не желая встречаться на улице со своей бывшей супругой – уже не помню, третьей или четвертой по счету. Однако когда на горизонте Михаила не маячили отвергнутые им пассии, он передвигался степенной походкой дворянина, которая была бы абсолютно неосуществима без солидной трости с набалдашником. Сам князь Сергей мог бы поучиться у этого усамого лицемера искусству «благородной ходьбы».

Кто не был хорошо знаком с моим другом, тот обычно проникался сочувствием к хромому калеке, чего он, собственно говоря, ото всех и добивался. Мало кто найдет в себе силы ответить грубостью или отказать в просьбе страдальцу, в чьих глазах наблюдался океан тоски, вызванной тяжкой судьбой инвалида.

Все эти уловки не действовали только на меня, единственного человека в мире, у которого хватало терпения подолгу выносить общество Михаила, неисправимого болтуна и балагура. И хоть я видел его насквозь, все равно мой русский друг не переставал периодически опробовать на мне ту или иную «фирменную» стратегию своего подхода к людям. После чего, видимо, делал соответствующие выводы, о которых никогда мне не сообщал.

Покалеченная нога Михаила и мой перебитый в двух местах нос – отличительные знаки, оставленные нам Бернардом-Мясником и его бойцами во время той памятной приграничной стычки. Легко же мы с Михалычем тогда отделались – кое-кому из нас повезло гораздо меньше. Я остался в неоплатном долгу перед погибшими бойцами моего Одиннадцатого отряда, добровольно разделившими со мной тяжкую ношу моего отступничества. Богобоязненный и принципиальный британец Саймон, мудрый поляк Вацлав, а также отважные байкеры из банды ирландца Оборотня, пожертвовавшие собственными жизнями ради нашего спасения... Выживший вместе с нами угрюмый громила-германец Гюнтер и неожиданно примкнувший к нам наш бывший заложник, магистр Ордена Инквизиции Конрад фон Циммер, заслуживали не меньшей благодарности, но о них разговор особый...

– Вот это сюрприз, клянусь моими обожженными усами! – воскликнул Михаил, взглядев-шись в лицо мертвого «ангела». – Кто бы мог подумать – неужели Энрико? Да, точно он! Эх, зря, Эрик, мы пощадили этого пацана тогда, у озера! Надо было просто пристрелить мелкого гада, и дело с концом! Сами не смогли, попросили бы Гюнтера – тот бы только спасибо сказал... Нет, боже упаси, мы же благородные отступники: беги, значит, сопливый пацан, на все четыре стороны да помни нашу доброту... Пропади она пропадом, эта мягкотелость!

Михаил плюхнулся в мое кресло, вытянув перед собой плохо сгибающуюся в колене покалеченную ногу, и с раздражением стукнул ладонями по подлокотникам.

– Сколько раз твердил себе, да и тебе тоже, что доброта наказуема, – продолжил Михалыч, барабанил пальцами по набалдашнику трости – бронзовой медвежьей голове. – Сколько раз страдал из-за собственного человеколюбия, будь оно неладно!.. И куда только, спрашивается, влиятельный папаша этого пацана смотрел? Видел же, что не сложились у сына карьеры в Братстве Охотников! Нет, он его в более глубокую задницу решил затолкать!.. Паша, Гарик, отправьте тело в нашу прозекторскую на Путинской. И можете быть свободны. Утром приду к вам в отдел, там уже все бумаги оформим... И Гарик, будь другом, скажи нашему дежурному, чтобы через час прислал за мной по этому адресу машину.

– Сделаем, Михалыч, – отозвался один из «бобров», ровесник застреленного мной «ночного ангела» Энрико, который перед тем, как податься в эту зловещую организацию, успел полтора года оттрубить в моем Одиннадцатом отряде и даже поучаствовать в охоте на своего опального командира. Впрочем, она завершилась для него весьма плачевно – мы захватили парня в плен и посредством обмана склонили его к предательству. Сдается мне, Энрико потому и встал на путь профессионального убийцы, что лелеял надежду поквитаться со мной за то унижение. Наверняка он вызвался на это дело добровольцем. Пылкий энтузиазм всегда приветствовался на службе у Пророка, поскольку даже та власть, что держалась на идеологическом гнете, испытывала дефицит в беззаветно преданных слугах.

Пока жандармы уносили тело, Михаил сидел в кресле, прикрыв глаза ладонью, будто ему мешал комнатный свет. За это время контрразведчик не произнес ни слова, что явно указывало на его неподдельное и сильное огорчение. Никакая другая причина не смогла бы заставить моего неунывающего друга отмалчиваться столь долго.

– Я понятия не имел, за кем мы следили почти от самой границы, – признался Михаил, когда автомобиль с «бобрами» и телом Энрико уехал. – Ну и хитер оказался наш Энрико! Ты бы поверил, что человек, которого мы раньше всерьез и не воспринимали, на такое способен? Кто он был в Одиннадцатом? Всего лишь забавный шалопай-юнга при команде морских волков... А ведь именно Энрико удалось провести всю питерскую контрразведку! Еще никто не водил нас за нос так ловко, как он. Мы начисто потеряли его след неподалеку от Петербурга и решили, что планы «ангела» по неизвестной нам причине сорвались и он вернулся в Европу. Я, кретин, даже наблюдение с твоего дома снял! Однако хорошо, что тебя не поставил об этом в известность. Иначе бы ты не отправил Катерину и детей в Волхов, и черт его знает, что бы этот змей Энрико тут натворил... А ты, похоже, сильно по нему сокрушался.

– С чего ты взял? – недоуменно спросил я, усаживаясь в другое кресло, в котором обожала греться у камина Кэтрин.

– А почему глаза заплаканные и щеки в разводах?

– А, вон оно что! Нет, это совсем не то, что ты думаешь. Просто Энрико угостил меня какой-то шпионской дрянью, кажется, магниевой гранатой. У вас в арсенале наверняка тоже такие имеются.

– Не умеешь ты врать и никогда не умел, – снисходительно заметил Михаил. – Не желаешь признаться, что всплакнул от огорчения? Да ладно, все в порядке, я никому не скажу. Будто я не знаю твою хроническую сентиментальность, развившуюся на почве юношеской впечатлительности и от переизбытка прочитанных в детстве книг!

– Ты погляди, какой глубокий психологический диагноз! – огрызнулся я. Наша беседа плавно перетекла в привычную легкую пикировку, из чего следовало, что к Михаилу вернулось его благорасположение духа. – Сказано же тебе: я плакал из-за вспышки магниевой гранаты! Да ты оглянись! Вон прожженное пятно на ковре, а где-то под шкафом, должно быть, и корпус от гранаты завалился.

– Вот она, упертая испано-скандинавская натура! – всплеснул руками известный некогда на все Братство Охотников зубоскал и карточный шулер. – Только ради того, чтобы не признаваться в собственной слабости, ты не поленился прожечь в ковре дырку, а теперь трешь мне по ушам про слезоточивую гранату! И не жалко было ковер портить? погоди, расскажу Катерине, чем ты тут в ее отсутствие занимался... Ну ладно, лучше раскрой секрет: как ты учуял одного из лучших «ночных ангелов»?

– Как учуял? – переспросил я и, обреченно вздохнув, признался: – Да я же параноик, Михалыч. Старый неизлечимый параноик, который уже семь лет шарахается от каждой тени. Все об этом знают, даже Кэтрин. Один ты почему-то еще не в курсе. Поэтому запомни, а еще лучше заруби себе на носу: Эрик Хенриксон – самый параноидальный из всех параноиков Земли.

– Не обольщайся, – фыркнул Михаил. – Ишь ты, куда хватанул... Нет, братец, здесь пальма первенства принадлежит не тебе, это уж точно. И даже не нашему трижды проклятому Пророку. Сбросили его недавно с этого пьедестала почета. Недостойн Его Наисвятейшество сегодня там находиться – есть в мире безумцы почище его.

– Ты имеешь в виду Торвальда Грингсона? – предположил я. – Конунга Скандинавии, которого прозвали Вороньим Когтем?

– Его, родимого, кого же еще? – подтвердил Михаил. – Если уж говорить о безумцах крупного калибра, то о нем надо вести речь в первую очередь.

– По-моему, ты не прав, – возразил я. – Вороний Коготь всегда казался мне более приличным человеком, нежели Пророк. Даже после того, как Грингсон устроил переворот и сверг прежнего конунга Скандинавии. Когда Торвальд был еще обычным ярлом и не носил Корону Севера, его сын Лотар учился здесь, в Питере. Молодой Торвальдсон даже дружил с сыном нашего князя, Ярославом. Я часто видел этих парней на стрельбище – им нравилось на досуге покуражиться с оружием. Вполне нормальные юноши, и тот, и другой.

– Значит, и то, что Торвальд занимается человеческими жертвоприношениями, тебя тоже ни на какие мысли не наводит?

– Насчет жертвоприношений – это всего лишь слухи. Полагаю, они основаны на том, что во время переворота пролилось много крови. Но «много» – это опять же по нашим меркам. А скандинавские ярлы живут в постоянной вражде, для них казни и человеческие жертвы – дело вполне привычное. Действительно, конунг Торвальд жестоко казнил своего предшественника Буи и его окружение. Зато потом Грингсон примирил и объединил почти всех ярлов и вот уже пару лет между ними нет никакой вражды. Разве это похоже на политику полного безумца?

– Возможно, тут ты и прав, – с неохотой признал Михалыч. – А что ты думаешь об их религии – видаризме, на которой Вороний Коготь просто помешан?

– Однако при этом он не запрещает в Скандинавии другие религии, – закончил я. – Но у норманнов христианство и раньше не слишком популярно было. А с приходом к власти Вороньего Когтя оно и вовсе зачахло – что ни говори, а Торвальд сумел своим авторитетом обратить видаризм в действительно сильную веру. Пророки давно заклеили норманнов-видаристов как злостных язычников. Мыслимое ли дело – вешать себе на шею амулеты в виде башмака и верить в древних богов, которые, ко всему прочему, еще и смертны?

– За что видаристов и дразнят «башмачниками», – вставил контрразведчик.

– Норманны утверждают, что этим башмаком их верховный бог Видар порвал пасть гигантскому волку, который сожрал отца всех богов Одина – пояснил я. – Поэтому символ башмака для видаристов священен. Видар и его брат Вали – сыновья Одина, – и еще несколько богов уцелели после Рагнарека и возродили священный Асгард, где сейчас и обитают.

– «Рагна...» что? – не понял Михаил.

– Рагнарек – видаристский Апокалипсис, который у них, как и у святоевропейцев, олицетворяется Каменным Дождем, – ответил я. – Так учат жрецы видаристов, которыми по совестительству являются все ярлы. А верховодит ими, разумеется, конунг.

– И чем же, по-твоему, скандинавская власть лучше святоевропейской? И там, и там на престоле сидят религиозные фанатики – Пророк и Верховный жрец.

– Все зависит от глубины фанатизма, – уточнил я. – Не отрицаю, что у Торвальда Грингсона голова тоже полна бешеных тараканов, однако равнять его с Пророком все равно нельзя. Хотя бы потому, что видаристы терпимы к христианам и за время своего правления не разрушили ни одного христианского храма. Не говоря уже о том, чтобы предать кого-нибудь из инакомыслящих аутодафе. Представляю, что стало бы с людьми этой конфессии в Святой Европе. Видаризм вытеснил в Скандинавии христианство не огнем, а словом. После пламенных речей Вороньего Когтя даже некоторые христиане публично срывали с себя кресты и меняли их на символ «башмачников». В своих речах Вороний Коготь постоянно упоминал и упоминает об

утраченном достоинстве потомков гордых викингов, в чьих венах никогда не текла рабская кровь. Грингсон держал нос по ветру и ударил в нужный момент. Прежний скандинавский конунг Буи был туп, жаден и недальновиден, при этом тоже кичился своей религиозностью. Но у скандинавов Буи давно вызывал презрение, а у ортодоксальных видаристов и подавно. Вороний Коготь как раз к таким и принадлежал. И в отличие от Буи имел более высокие понятия о чести и достоинстве. Одним словом, лидер, а за такими всегда тянутся. Черт побери, да будь я молод и впечатлителен, сам подался бы в видаристы. Недаром сегодня в скандинавские дружины молодежь сбегается и из Святой Европы, и из России.

– А ты подкован в международной политике, – похвалил меня Михаил, массируя больную ногу. – Сразу видно, газеты читаешь. Только быюсь об заклад, что главную политическую новость этого года ты еще не слышал.

– Год только начался, – заметил я. – Не рановато подводить политические итоги?

– Поверь, дядя Миша знает, о чем толкует! – Глаза контрразведчика возбужденно заблестели. – Пока ты прячешься в своей норе среди залежей ветхих книжек, в мире такое творится, только успевай записывать. Ты сидишь? Хорошо, значит, сейчас не упадешь. У меня для тебя и впрямь есть сногшибательная новость. Уже сегодня утром она будет во всех газетах, но наше ведомство не зря свой хлеб ест, поэтому довожу до твоего сведения, что вот уже... – Он глянул на свой ручной хронометр. – ...Четырнадцать с половиной часов Святая Европа находится со Скандинавией в состоянии войны!

– Какой войны? – От удивления я даже привстал из кресла. – Что ты городишь?

– Самой настоящей войны, – повторил Михаил. – Вчера днем Торвальд Вороний Коготь высадился со своими дружинами на северном побережье Святой Европы. Надо полагать, теперь наш Пророк надолго забудет о беглом отступнике Хенриксоне...

2

Роттердам пал через шесть часов после того, как норманнский броненосец «Тюр» произвел первый залп из всех орудий по береговым укреплениям главного портового города европейского севера. За «Тюром» заговорили пушки его собратьев «Ньерда» и «Улля». Град снарядов накрыл прибрежные районы Роттердама, разнося в щепу и пыль целые кварталы. В городе воцарился крошечный ад и поднялась паника, не виданная здесь со смутных времен Нового Исхода.

Впечатляющий залп корабельной артиллерии главной ударной силы скандинавского боевого флота был слышен за сотню километров и ознаменовал начало великого похода дружин конунга Торвальда по Святой Европе.

Военная кампания Вороньего Когтя отличалась от кампаний его далеких предков-завоевателей, гонимых за море жаждой наживы либо поисками новых земель для проживания. Богатство заботило Грингсона во вторую очередь, и в лишней земле он не нуждался. Торвальд двинулся на Ватикан с конкретной целью, что была куда ближе к возвышенным целям крестоносцев, искавших заветный Грааль, нежели к шкурным интересам древних викингов. Впрочем, как утверждала история, средства для достижения поставленных целей у благородных рыцарей и диких норманнов мало чем отличались. Вороний Коготь и его дружинники также не стали исключением из правил, а кое в чем даже превзошли своих кровожадных предшественников.

Военно-морские маневры норманнов, замаскированные под ежегодные учения, ввели в заблуждение северный пограничный флот европейцев, не позволив ему вовремя объединиться и дать отпор интервентам. Когда же властям Роттердама и местному командованию Защитников Веры стало наконец понятно, что происходит, оборонительные бастионы и треть города уже лежали в руинах. Короткое, но яростное сопротивление пограничников подавил массированный огонь с моря, на мощь которого береговые укрепления явно не были рассчитаны.

Канонада еще не отгремела, а десантные боты норманнов уже заполнили прибрежные воды и устремились к суше. Восемь скандинавских крейсеров и две дюжины торпедных катеров, что до сего момента прикрывали транспортные плавсредства, немедленно перестроились в оборонительный порядок на случай вражеской контратаки с моря, которая обязана была вот-вот последовать.

Десант северян встречали подразделения Защитников Веры и Добровольцев Креста. Последние были спешно доукомплектованы ополченцами, кто нашел в себе мужество взять в руки оружие, дабы самоотверженно отстаивать родной город. Надо заметить, что таковых отыскалось немного. При виде того, что вытворяют пушки захватчиков, большинство горожан побросали свои дома и бросились на юг, как можно дальше от гибнущего буквально на глазах города. А пока беженцы давили и затаптывали друг друга в городских воротах, оставшиеся храбрецы спешно сооружали на портовых причалах баррикады и готовились к вторжению. Отважные роттердамцы не сомневались, что многим из них, а возможно и всем, предстоит погибнуть. Но они намеревались до последнего вздоха прикрывать убегающих от вражеских полчищ женщин, стариков и детей. Агрессор, который без зазрения совести похоронил под развалинами домов сотни горожан, не давал повода уповать на милосердие.

Даже используя норманны примитивную тактику лобовой атаки, они в любом случае прорвали бы стихийно организованную линию обороны. Однако они предпочли иной путь и до минимума уменьшили неизбежные потери при высадке. Еще в море перестроив половину ботов в трехрядную колонну, дружинники на полной скорости ворвались в устье Рейна, поднялись вверх по течению до центральной части города, после чего практически беспрепятственно высадились на оба берега реки. Остальные боты в это время прикрывали пулеметным огнем

маневр первой ударной дружины и, когда ее бойцы ступили на улицы Роттердама в тылу у защитников, стремительно ринулись к причалам для выброски оставшегося десанта.

Поскольку все силы горожан были стянуты к порту, первая атакующая дружина норманнов не встретила почти никакого сопротивления. Она ударила в тыл роттердамцам прежде, чем бойцы второй дружины атаковали их в лоб. Защитники оказались зажаты словно между жерновами и вынуждены были обороняться на два фронта. Норманнская «мельница» перетерла их оборону за полтора часа, не оставив в живых никого, даже раненых. На примере этих несчастных Торвальд Грингсон впервые продемонстрировал, какова будет в дальнейшем его захватническая политика. Позже Вороний Коготь стал принимать в свое войско местных жителей и перебежчиков из армии противника, но с теми, кто обнажал против него меч, всегда и везде поступал одинаково сурово. Защитникам Роттердама в некотором смысле даже посчастливилось, что «башмачники» решили не брать военнопленных в своем первом бою на святоевропейской земле. Умереть легкой смертью в битве с норманнами являлось почти что привилегией...

Зачистка города от остатков сил сопротивления еще продолжалась, а норманнские крейсера заканчивали топить патрульные катера европейцев, когда конунг Скандинавии и Верховный жрец видаристов Торвальд Грингсон покинул свой командный катер «Бельверк» и ступил на залитый кровью причал. Внешне Вороний Коготь больше походил на докера, что кишели в порту Роттердама еще этим утром, нежели на властелина северных земель: среднего роста, плотный и мясистый, с окладистой седой бородой, бритой татуированной головой и лицом, изрезанным глубокими морщинами. Жуткие глаза конунга и впрямь напоминали птичьи: редкостного сочно-рыжего цвета, они излучали магический свет, какой можно при желании рассмотреть в глазах таких мудрых птиц, как филины и во€роны. Пристальный взгляд Грингсона повергал в смятение любого, на ком задерживался дольше чем на пару секунд.

Не признающий излишеств ни в одежде, ни во всем остальном, во время боевых действий Торвальд носил обычное полевое облачение норманнских дружинников: стальной шлем-полусферу, короткую кожаную куртку на меху, широкие штаны с наколенниками и невысокие остроносые сапоги. Оружие командующего состояло из длинного традиционного ножа, обязательного для ношения каждому видаристу, и длинноствольного револьвера сорок четвертого калибра. По слухам, из этого револьвера при перевороте Грингсон лично перебил шестерых телохранителей конунга Буи, всего за считанные мгновения пустив каждому в голову по пуле (история больше смахивала на вымысел, но я все равно восхищался ею, как восхищался любыми историями о хороших стрелках, о которых когда-либо слышал).

Вслед за Торвальдом с борта «Бельверка» сошли остальные приближенные конунга – ярлы северных земель, примкнувшие со своими дружинами к Вороньему Когтю в его походе, а также три человека, о коих следовало сказать в отдельности.

Сразу за Грингсоном следовал высокий жилистый датчанин средних лет по имени Горм. После свержения конунга Буи этот человек стал знаменит не только в Скандинавии, но и за ее пределами. Настоящая фамилия Горма была известна немногим; датчанин же предпочитал, чтобы его называли Фенриром – в честь мифического чудовищного волка, проглотившего в великой Битве Богов самого Одина. Этому двуногому Фенриру тоже было чем гордиться: именно он и возглавляемая им дружина «Датская Сотня» помогли Торвальду «проглотить» ненавистного Буи, который еще немного – и впрямь объявил бы себя богом. Нося звание форинга – командующего дружиной, – Горм беспрекословно подчинялся Грингсону и всегда поддерживал его планы, за что и стал правой рукой конунга и вторым по значимости человеком в иерархии «башмачников».

Вышколенная как стая борзых, «Датская Сотня» и сегодня отличилась. Именно ее десантные боты первыми вошли в устье Рейна, пробив линию обороны противника, словно гвоздь фанеру. Давненько не приходилось «волчатам» Фенрира принимать участие в столь мас-

штабной операции. Во времена правления Буи и его не менее отвратительного предшественника «Сотня» проходила закалку в локальных стычках, что часто разгорались между ярлами. Теперь, когда Грингсон сплотил под своим крылом бывших врагов (кто отверг договор самозванного конунга о Вечном Объединении, тот объединился со своими умершими предками в подземном царстве мертвых), злобные датчане занимались лишь рутинной охранной службой. Это, разумеется, их сильно раздражало. Те, кто намеревались попасть после смерти в славную Валгаллу, восстановленную сыновьями Одина Видаром и Вали, а не в позорный Нифльхейм, считали мирную жизнь неполноценной и скучной. Подарок, преподнесенный Торвальдом «Датской Сотне» и остальным сорвиголовам, прибывшим на эту войну ради богатства и славы, был воистину щедрым. И потому соратники Грингсона готовы были боготворить своего конунга еще при жизни.

Сразу за Грингсоном и Гормом Фенриром на причале появились два молодых человека в возрасте примерно двадцати – двадцати двух лет. Юные спутники Вороньего Когтя были одеты, как и все, в военное обмундирование и носили на ремнях короткие легкие автоматы – оружие, которое было распространено лишь среди бойцов «Датской Сотни». Однако к этому подразделению молодые люди не принадлежали. У каждого из них имелись амулеты и длинные ножи – неотъемлемые атрибуты видаристов, – а в руке одного из парней находился плоский прямоугольный футляр благородного дерева. На отделку футляра ушло порядка килограмма золота, из чего несведущий человек мог сразу делать выводы: то, что скрывается под крышкой, обладает гораздо большей ценностью. Это демонстрировала и бережность, с какой носитель футляра обращался со своей ношей.

Первый из парней – тот, что нес драгоценный груз, – был высок, светел лицом, голубоглаз и белокур, типичный молодой скандинав, эталон мужской красоты для подавляющего большинства его юных сверстниц и не только. Его друг внешне выглядел не столь примечательно: смугловатый кареглазый шатен с редкими усиками, видимо, обязанными придавать мужественность не слишком суровому лицу. Статью он не блистал – блондин был выше его почти на голову и гораздо шире в плечах. Походка неброского молодого человека, в отличие от его товарища, была неуверенной. Он словно опасался, что ненароком вырвется вперед своего представительного спутника и получит от него взбучку.

Единственное, что роднило эту парочку, – выражение глаз. Во взглядах блондина и его сопровождающего читались ум и высокомерие, присущее детям знатных особ. Однако высокомерие не чрезмерное – молодые люди явно осознавали, что находятся не в том обществе и не в той обстановке, чтобы смотреть свысока на других. Спутники Торвальда лишь демонстрировали, что, раз уж им дозволено идти рядом с конунгом, значит, и выглядеть они должны подобающе.

Молодых людей, обладавших правом сопровождать носителя Короны Севера, звали Лотар и Ярослав. Они были не просто друзьями – благодаря принятому у видаристов ритуалу воинского братания эти парни вот уже несколько месяцев считали себя братьями. Первый являлся единственным сыном самого Торвальда, второй был прямым наследником Петербургского князя Сергея. И если присутствие Лотара Торвальдсона на борту «Бельверка» выглядело вполне оправданно, то путь, которым в ряды «башмачников» затесался русский княжич, представлял собой драматичную, хотя и не слишком замысловатую историю.

Будучи при конунге Буи одним из процветающих ярлов, Грингсон получил возможность отправить своего сына на учебу за границу, в престижный Петербургский университет. Там Лотар крепко сдружился с учившимся с ним в одной группе Ярославом.

Как верный сын своего отца, Лотар был беззаветно предан идеям видаризма, к которым со временем приобщил и русского княжича. Ярослав завидовал скандинавскому другу, чей отец занимался не скучной управленческой рутинной, а настоящим, по мнению юноши, мужским делом – ратными подвигами, к тому же исповедовал такую благородную веру. Предуга-

дать развитие событий было легко: не желая выглядеть в глазах лучшего друга бесхребетным сыном миролюбивого князя, Ярослав в конце концов примкнул к видаристам и бежал в Скандинавию. Неофит был уверен, что с такими связями он не затеряется среди тысяч других последователей этой религии и имеет все шансы быть причисленным к свите Верховного жреца.

Так оно вскоре и произошло. Ярослав побратался не только с лучшим другом Лотаром, но и получил привилегию везде сопровождать самого Вороньего Когтя – о чем еще может мечтать молодой воин в начале своего славного пути, ведущего в величественные чертоги возрожденной Валгаллы? Отныне Ярославу уже не было дела до безутешного отца, по два раза в месяц отправляющего в Стокгольм послов с целью уговорить княжича одуматься и вернуться домой. Все до единой дипломатические миссии возвращались в Петербург ни с чем – Ярослав больше не подчинялся отцовской воле...

Моросивший с утра дождь со снегом к вечеру прекратился. Тяжелые тучи рассеялись, и над взятым норманнами Роттердамом взошло низкое зимнее солнце. Яркое и жизнерадостное, оно словно глумилось над павшими горожанами и смеялось, глядя на разрушенные и горящие здания. Дочь погибшей в Рагнарек богини солнца Соль нарочно выехала из-за туч на своей огненной колеснице, дабы полюбоваться на деяния лучших из жителей «срединного мира» – Мидгарда. С появлением солнца пришло и тепло, отчего над мокрыми причалами и прибрежными улицами возник белесый туман испарений, тут же исчезавший при малейшем дуновении ветра. Город встречал конунга Торвальда огнем пожарищ, но, похоже, силы природы радовались приходу грозных северян. Вдобавок ко всему, когда Вороний Коготь и его спутники сошли с причала на набережную, в небе заиграла зимняя радуга. То ли благодаря морозному воздуху, то ли еще чему, она казалась гораздо ниже и контрастней, чем летом, и невольно притянула к себе взоры завоевателей.

– Биврест! – вырвалось у Лотара, который сразу встал как вкопанный и в восхищении задрал голову. Шедшие за ним Ярослав и ярлы последовали примеру Торвальдсона. – Никогда не видел Биврест так близко! Ярослав, глянь, что там сияет у него на дальнем конце? Да ведь это же врата Асгарда!

Торвальд и Горм Фенрир тоже остановились и посмотрели на легендарный мост-радугу, по которому павшие боги съезжались когда-то держать совет у Древа Мудрости – ясеня Иггдрасиль, расколовшегося надвое в преддверии Рагнарека. Явление Бивреста действительно впечатляло, но взоры конунга и форинга «Датской Сотни» остались бесстрастными. Однако в глазах Ярослава и кое-кого из ярлов тоже засветился восторг, впрочем, быстро исчезнувший, когда они опустили глаза на заваленную трупами грешную землю.

– Тебе почудилось, Лотар, – холодно произнес Торвальд, приложив руку козырьком к шлему. – Тебе не увидеть врата Асгарда раньше меня, так что не надейся... Но Биврест для нас сегодня – не просто символ удачи. Это знамение, которое я могу истолковать однозначно прямо сейчас. Видар и Вали посылают нам знак, что мы на верном пути. *Гьяллахорн* здесь, на этой земле! Я давно чувствовал это, а теперь, после такого знамения, – в особенности! Скажи, форинг, ты чувствуешь то же, что я?

– Да, дроттин², – подтвердил Горм, чью щеку постоянно дергал нервный тик, – результат поврежденного в давнем бою лицевого нерва. Об этом красноречиво свидетельствовал небольшой, но глубокий шрам на скуле форинга. Выглядел шрам так, словно на лице у Фенрира прорезался третий глаз. – Наша цель еще далеко, но я, как и вы, чую ее даже отсюда. Ватикан еще не раз пожалеет, что отказался выдать нам *Гьяллахорн* добровольно! Грязные выродки Нифльхейма!

² *Дроттин* – у древних скандинавов правитель, совмещающий функции вождя и жреца в племенном союзе.

И Горм с презрением спихнул ногой в воду повисшее на парапете набережной тело Защитника Веры.

Закончив смотреть на радугу, которая, похоже, собиралась украшать собой небосвод до самых сумерек, Грингсон помассировал шею, после чего снял шлем и подставил солнцу свою гладко выбритую голову. По бокам на ней были вытатуированы две одинаковые птицы с расправленными крыльями и разинутыми клювами. Хугин и Мунин – мудрые во€роны, что в древние времена каждое утро облетали мир по приказу Одина и собирали для него новости. А вечерами всеведущие птицы восседали у Отца Богов на плечах, пока тот пил вино в компании эйнхериев – погибших воинов, удостоенных чести пировать в Валгалле за одним столом с Одним.

Вороний Коготь носил на теле еще два символических изображения, но их, в отличие от известной на весь мир пары воронов, доводилось видеть не каждому. Скрытые под одеждой, вытатуированные на бедрах Торвальда волки Гери и Фреки также принадлежали к любимцам Одина. Волки съедали бросаемую им на пирах пищу, к которой их хозяин по традиции не прикасался. Ходили слухи, что Грингсон лично казнил художника, расписавшего ему тело. Видимо, затем, дабы тот не вздумал больше ни на ком изображать подобную символику, а заодно и преподать урок другим татуировщикам. Однако это были всего лишь обычные бредни: конунг почитал служителей любого искусства, даже такого своеобразного, а жертвенную кровь для церемоний брал лишь у тех, кто, по его мнению, действительно заслуживал кровопускание.

Глядя на отца, Лотар тоже снял шлем. Это не осталось не замеченным Торвальдом.

– Побереги голову! – сострожился Вороний Коготь, после чего указал на Ярослава, тоже расстегивающего ремешок шлема. – Это и тебя касается! Не следует понапрасну искушать крылатых дев смерти! Любая из них сочла бы за честь заключить в объятия каждого из вас, молодых и горячих.

И Торвальд обвел рукой небосклон, намекая на незримо кружащих над полем брани валькирий. Несмотря на то, что при захвате города норманны понесли минимальные потери, вряд ли хотя бы одна прекрасная проводница душ осталась сегодня не у дел. Героически павшие Защитники Веры тоже могли рассчитывать на то, что их сочтут достойными для вознесения в Валгаллу – Видар был рад видеть у себя любого храбреца-эйнхерия.

– Но, отец!.. – запротестовал было Лотар, однако Вороний Коготь прервал его возражения одним грозным взглядом. После чего провел ладонью по лысине и, слегка смягчившись, добавил:

– Меня меченосные девы сегодня не тронут. Время Торвальда Грингсона еще не наступило. Я нужен богам здесь, в Мидгарде. По крайней мере до тех пор, пока они снова не начнут дуть в свой *Гьяллахорн*.

Слегка уязвленный Лотар прикусил губу и водрузил на голову шлем. Наследник Вороньего Когтя был, пожалуй, единственным человеком в мире, кто не испытывал страха, споря с конунгом. Однако сын никогда не дерзил отцу при посторонних. Даже Ярослав знал об этих спорах лишь понаслышке – Лотар часто жаловался побратиму на отцовскую несправедливость, однако послушаться отца не смел. Что ни говори, а в этом плане Торвальдсон отличался от русского княжича в положительную сторону.

Грингсон и его спутники покинули причал и зашагали по главной улице к центру Роттердама. На выходе из порта их взяли под охрану три десятка бойцов «Датской Сотни». Лица каждого из датчан были в ритуальной боевой раскраске – вертикальные красные полосы, краской для коих послужила кровь убитых врагов. Будущие эйнхерии Видара чтит традиции своей веры и выказывали таким своеобразным способом почтение божественным покровителям.

«Датская Сотня» не принимала участия в разграблении города, чем сейчас занимались остальные захватчики. Большинство победителей совмещало полезное с приятным: укрепляло отвоеванный плацдарм и попутно набивало вещмешки ценными трофеями. Бежавшие в

панике граждане, особенно их зажиточная часть, не успели как следует припрятать свое добро, а тем более захватить его с собой, о чем наверняка в данный момент сильно сокрушались. Глупо было уповать на то, что дверные замки и оконные решетки остановят норманнов, которых не сдержали ни морские, ни сухопутные пограничные заслоны.

Безусловно, «Датская Сотня» с удовольствием присоединилась бы к собратьям по вере и оружию, не имея датчане конкретного приказа. Его выполнение началось еще накануне. Лазутчики Фенрира просочились в Роттердам за день до штурма, чтобы не дать скрыться одной высокопоставленной особе. Она же, Торвальд был убежден, непременно попытается сбежать, когда поймет, что оборона города пала. А в том, что оборона падет, Грингсон также не сомневался. Он верил и в своих покровителей, божественных асов, и в сподвижников, которые еще на родине поклялись, что пойдут за дроттином хоть на край света.

– Говори, хольд³, – обратился Вороний Коготь к старшему группы, что присоединилась к свите конунга. Дружинник дождался молчаливого кивка Фенрира, после чего немедленно приступил к докладу:

– Операция «Глейпнир» прошла успешно, дроттин. Роттердамский инквизитор Ван Борен у нас. Мы организовали засаду у гаража магистрата и перехватили автомобиль Ван Борена на выезде.

– Каковы потери? – осведомился Торвальд.

– Один фьольменн убит, один ранен. Охотники из охраны инквизитора перебиты полностью. Магистр не пострадал. Мы переправили его вместе с автомобилем к епископату, где наши фьольменны наводят сейчас порядок.

– Отличная работа, – подытожил Вороний Коготь и призывно махнул рукой свите. – Слышали: все к епископату!..

Кроме роттердамского инквизитора, больше никого из представителей власти захватить не удалось. «Датская Сотня», с ходу брошенная на штурм резиденции епископа, ворвалась в епископат и обнаружила там лишь нескольких Защитников Веры, что уничтожали архивы и предпочли быть уничтоженными вместе с секретными документами. А епископа и его приближенных уже и след простыл.

– Они нам не нужны, – прокомментировал Грингсон очередной поступивший к нему доклад, после чего, перейдя на святоевропейский, во всеуслышание заявил: – Пусть бегут! За то, что епископ сдал город, Пророк пустит жирному борову кровь и без нашего участия. Ты со мной согласен, Ван Борен?

Члена Ордена Инквизиции выволокли из автомобиля, не развязывая рук, и теперь магистр попирает коленями мостовую в окружении своих заклятых врагов – язычников. Седящая голова Ван Борена была не покрыта, однако склонять ее перед конунгом он не намеревался. Презрительный взгляд инквизитора также свидетельствовал о том, что он не считает себя покоренным.

– Ты совершил самую большую ошибку в своей жизни, конунг! – вместо ответа процедил Ван Борен. – Зря злорадуешь: дальше Роттердама тебе не уйти! Уже через неделю ты будешь убегать в свое ледяное королевство или молить Его Наисвятейшество о пощаде! Мерзкий тупой идолопоклонник, изменник Единственно Правильной Вере!

После этих слов и без того перекошенное тиком лицо Горма перекошилось еще больше. Он занес кулак, намереваясь наказать инквизитора за его несусветную дерзость. Но Торвальд, явно ожидавший этого, перехватил руку датчанина и протестующе помотал головой.

– Будь сдержаннее, форинг, – произнес Грингсон, которого угрозы магистра хоть и задели, но из себя не вывели. – У тебя тяжелая рука, а мне еще нужно побеседовать с этим человеком. – И, отпустив запястье насупившегося Фенрира, снова повернулся к пленнику: –

³ Хольд и фьольменн у викингов – дружинники высокого и низкого ранга, соответственно.

Ван Борен, Ван Борен... Ты называешь меня идолопоклонником, а от самого за километр несет горелой человеческой плотью! Разве бог, в честь которого ты проводишь свои огненные ритуалы, для тебя не идол? Разве души, которые ты для него якобы спасаешь, не обязательная жертва вашему идолу? Ничтожество, ты имеешь наглость ставить свою веру раба выше моей веры воина! Неужели ты полагаешь, что пожизненный страх и раболепие – это та плата, которую требует воистину великий бог? Мстительность и желание сеять страх – признаки мелочности и тщедушия. И вы молитесь такому презренному идолу, рабовладельцу, у которого по любому поводу надо выпрашивать подачки? Зато кнута он вам отвешивает безо всякой жалости! Любой из моих воинов по духу куда выше вашего мелочного покровителя! Боги-асы, которым мы поклоняемся – Видар, Вали, Модир, Магни, Бальдр, Хед, – никогда нас не запугивают, поскольку все они чтят память павших отцов, благородных и великодушных. И мы не раболепствуем перед нашими богами. Мы живем с ними в полной гармонии и согласии. Разгневаются ли они, если вдруг однажды я перестану приносить им жертвы? Нет! Они не станут в отместку насыпать на нас разорения, проклятия, болезни и прочие беды, которые так любит сыпать вам на головы ваш обидчивый бог. Наши боги не нуждаются в жертвах – у них в избытке есть все, что им необходимо. Ты спросишь меня, Ван Борен, зачем же тогда я занимаюсь жертвоприношениями? Охотно отвечу. Наши жертвоприношения – не плата раба своему господину за покровительство, они – знак уважения. Я проявляю уважение к богам и требую, чтобы мои братья поступали так же. Кто отказывается от этого, тот становится моим врагом. Так что в моей вере я караю нечестивцев, а не боги. Наказывать обитателей Мидгарда для асов – унижение, а для меня – нет. Великие боги убивают только себе подобных, и я следую их примеру. Во всем! И если ради уважения богов потребуется сжечь весь Мидгард, конунг Торвальд без колебаний сделает это! Не выказывая уважения богам, я буду выглядеть в глазах Видара и его братьев недостойно, а это для меня – тяжкий позор. Я не смогу после смерти пировать с богами за одним столом, зная, что при жизни не относился к ним, как пристало истинному воину. Мое достоинство воина и твое, Ван Борен, достоинство раба – совершенно разные понятия. Как величественное небо и подножная грязь! Я смеюсь над тобой, когда слышу, что ты считаешь свою веру единственно правильной! Не тешь себя мыслями о своем жалком рабском рае. Тебе предстоит вечно гнить в Кипящем Котле Нифльхейма и завидовать мне, пирующему в чертогах Видара!

– Проклятый еретик! – прошипел инквизитор, гневно выпучив глаза и брызжа слюной. – Гореть тебе в аду за такую дерзость, а не пировать в обнимку со своими языческими демонами! Не потому ли ты явился в мою страну, что земля Скандинавии за такие богохульные речи уже горит у тебя под ногами?

– Я прибыл в твою страну, поскольку пообещал богам, что достану для них *Гьяллахорн*, который вы отказались передать мне в знак доброй воли, – снизошел до разъяснений Вороний Коготь. – И все мои братья по вере поклялись, что священный рог погибшего бога Хеймдалля будет возвращен его потомкам-асам.

– Я слышал о твоих безумных претензиях к Пророку. И только поэтому ты развязал войну? – изумился Ван Борен. – Из-за какой-то... мифической реликвии, которую мы якобы прячем в Божественной Цитадели? Но это же... немыслимая дикость!

– Не отпирайся: мне точно известно, что *Гьяллахорн* находится в Ватикане, – возразил Торвальд. – Он был найден десять лет назад в Киеве одним смертным по имени Тарас Максютя. Этот глупец имел неосторожность дунуть в рог, совершенно не представляя, чем все это закончится. Впрочем, невежество того киевлянина простительно. Откуда ему было знать, что до великой битвы на равнине Вигрид, во время которой погиб Хеймдалль и *Гьяллахорн* был утерян, этот рог созывал на совет прежних богов Асгарда. Кого призвал ревом священного рога в Киев Максютя, нам неизвестно. Однако мы точно знаем, что это были не асы в блистающих доспехах. *Гьяллахорн* еще никогда не звучал в Мидгарде, и, судя по всему, на ошибочный

зов явились уродливые великаны Йотунхейма, а также прочая нечисть, выжившая в Рагнарек. Город обезумел. Десятки людей сошли с ума, многие горожане погибли в давке, что началась при виде надвигающихся на город жутких порождений Мировой Бездны. Ваше счастье, Ван Борен, что каким-то чудом Максюте удалось остановить вторжение, иначе на этой земле сейчас жили бы не вы, а те, с кем наши благородные боги ведут вечную войну.

– Ты несешь бред, конунг! – вскричал магистр. – Ничего этого не было и в помине! Никакой дьявольский рог в Киеве сроду не находили! Все это ложь, которой ты наслушался неизвестно от кого! Только идиот мог поверить в такую ересь!

Торвальд сверкнул рыжими глазами и стиснул зубы, отчего на скулах у него заиграли желваки: дерзость пленного инквизитора начинала его злить. Горм помалкивал, посматривая то на Ван Борена, то на Грингсона. Фенриру было бы достаточно одного лаконичного приказа, даже жеста, и датчанин за полминуты переломал бы магистру все кости до единой. Раньше в подобной ситуации Вороний Коготь не мешкал с такими приказами. Но сегодня дроттин был сама доброта. Лотар и Ярослав стояли неподалеку, то и дело обмениваясь между собой полупшепотом короткими фразами. Им, как и ярлам, не терпелось увидеть развязку этого странного диалога.

– В моем войске служат восемь беглых киевлян, а один из них даже удостоен чести быть моим побратимом, – заметил Грингсон немного погодя. – Все они прибыли ко мне в разное время, и с каждым из них я беседовал по поводу того, о чем сейчас тебе рассказал. Я слышал историю о Тарасе Максюте, которого вы окрестили колдуном, восемь раз, и всегда меня клятвенно уверяли, что это правда. Кто-то знал о ней по рассказам, а кое-кому даже довелось лично услышать рев *Гьяллахорна* и узреть вызванных им чудовищ. И знаешь, Ван Борен, чем заканчивалась та история в семи случаях из восьми? Тарас Максюта бесследно исчезал, и больше его никто никогда не видел. А вскоре по Киеву начинали ходить слухи, что чернокнижник был сожжен вместе со своим жутким инструментом где-то вдали от родной епархии... Я всегда задавался вопросом: зачем следовало увозить колдуна из города, если с тем же успехом его можно было сжечь дома? Эта загадка не давала мне покоя, пока у меня в дружине не появился восьмой киевлянин. Он знал о судьбе Максюты гораздо больше, чем его земляки, потому что в те годы служил вашему мерзкому Ордену. К счастью, этот человек вовремя раскусил его гнилую сущность, прозрел и примкнул к нашей вере, достойной настоящего воина... Так вот, когда мой будущий брат по вере служил Охотником при Киевском магистрате, ему пришлось сопровождать арестованного Тараса Максюту в Ватикан. И доставили чернокнижника не в Главный магистрат Ордена, а прямиком во дворец Пророка. И зачем, по-твоему, киевский колдун понадобился Гласу Господнему? Не потому ли, что Пророк почуял в найденной Максютой реликвии подлинную божественную силу, которая так необходима слабому пастырю жалких рабов? Да будет тебе известно, Ван Борен, что когда-то из священного рога пил воду источника Мудрости сам Один! Возможно, Максюта давно мертв, но вряд ли у твоего Пророка поднялась рука уничтожить рог Хеймдалля! Именно он сегодня питает силами и мудростью дряхлеющего Гласа Господнего. *Гьяллахорн*, а не Стальной Крест, который, говорят, проржавел насквозь, как и сам Пророк. Но *Гьяллахорн* вам не принадлежит. Вы жестоко поплатитесь за то, что присвоили себе чужую святыню!

– Чего же ты хочешь от меня, конунг? – негодуя спросил инквизитор. – Чтобы я подтвердил или опроверг твои безумные кощунственные заявления?

– Ты член самого могущественного Ордена в этой стране, Ван Борен, – пояснил Торвальд. – Причем не самый последний человек в вашей иерархии. Ты просто обязан знать правду! И сейчас ты мне ее расскажешь!

Магистр был действительно стойким человеком, поскольку нашел в себе силы рассмеяться даже в такой, крайне невыгодной для себя ситуации. И пусть он стучал от страха зубами

и дрожал, как лист на ветру, Ван Борен не стал кривить душой в надежде, что Вороний Коготь подарит ему легкую смерть. Инквизитор предпочел остаться при своем мнении до конца.

– Ты прав лишь в одном, конунг, – ответил Божественный Судья-Экзекутор. – Да, припоминаю: десять лет назад в Киеве и впрямь имели место беспорядки, вызванные неким колдуном Максютой. Люди клялись, что слышали адскую музыку и видели наяву сонмы тварей из Преисподней. Кое-кто вправду сошел с ума. Вот только никакого священного горна Максюта не находил. Охватившее горожан безумие было вызвано исключительно черной магией, за занятие которой чернокнижник ответил по всей строгости закона. Все остальное – ложь, что поведали прибившиеся к тебе богоотступники. А ты вдобавок усилил эту ложь бредом твоего больного воображения. Можешь пытаться так, как ты пытал несчастного Буи, но больше мне тебе сказать нечего!

– А ты смел для раба, Ван Борен, – уважительно кивнул Вороний Коготь. – Я ценю твою отвагу. Если бы Буи вел себя, как ты, я бы тоже даровал ему быструю смерть. Но презренный трус заслужил быть подвешенным ребрами за крючья, пока вороны заживо выклевали ему мозг. Я смастерил из крышки черепа Буи вазочку для орехов и даже успел показать ее мерзавцу до того, как он издох. С тобой я поступлю по справедливости: смелому человеку – достойная смерть... – И торжественно провозгласил: – Лотар, разбуди Сверкающего Хьюки!..

При упоминании этого имени мужество все-таки покинуло Ван Борена. Не имея возможности ни убежать, ни даже вскочить с колен, он лишь испуганно втянул голову в плечи и взялся сбивчиво читать молитву. Однако глаз не опустил, продолжая зачарованно следить за пробуждением Сверкающего Хьюки. Магистр был явно знаком с обрядами северных язычников и имел представление о том, что его ожидает. Ужас охватил инквизитора. Он смотрел на Торвальда так, словно тот собирался скормить его дракону, готовому вот-вот спуститься с небес на площадь перед епископатом.

Сверкающий Хьюки спал на ложе из пурпурного бархата в том самом раззолоченном футляре, который бережно нес Лотар. Легкая ритуальная секира Верховного жреца, созданная воистину гениальным оружейником, обладала метровой рукоятью и изогнутым в форме месяца, отточенным как бритва лезвием. И форма, и имя секиры Хьюки – «молодой месяц» – не вызывали у большинства жителей современного мира никаких ассоциаций: мало кто знал о погибшем от удара кометы и обрушившейся на Землю Каменным Дождем ее спутнике – Луне. Разве что само понятие «месяц» так и продолжало по традиции до сих пор использоваться для разбивки года на двенадцать частей, но о том, почему так происходит, задумывались немногие.

Тем не менее последователи видаризма знали о разлетевшейся вдребезги Луне куда больше святоевропейских христиан. Для последних Каменный Дождь олицетворял только божественную кару за все прошлые грехи человечества, без какого-либо толкования природы данного явления. Рагнарек видаристов выглядел несколько иначе. Рассказывать подробно о вселенском катаклизме, уничтожившем мироздание и три четверти старых богов-асов, пришлось бы долго, поэтому разумнее будет остановиться лишь на той главе видаристского учения, в которой затрагивается судьба погибшей Луны.

Путь по небу богини солнца Соль и ее брата-месяца никогда не был легким. Их неустанно преследовали по пятам два одержимых волка, потомки зловещего Фенрира. И вот по прошествии долгих междоусобных войн и сменившей их лютой трехлетней зимы Фимбульветр – предвестников грядущего Рагнарека – упорство небесных волков было вознаграждено. Проглотив-таки неуловимых брата и сестру, мохнатые твари положили начало знаменитым Сумеркам Богов, которые, по версии видаристов, и стали отправной точкой в истории современного мира.

Естественно, в конечном итоге зло было наказано. Порвавший пасть Фенриру, Видар и его выжившие братья добрались и до отпрысков чудовищного волка, учинив им грандиозную взбучку в обгорелых руинах разрушенного Асгарда. Но молодые асы опоздали – Соль и ее

брат были мертвы. В довершение ко всему волк, который проглотил месяц, разгрыз его на множество частей и выплюнул с такой силой, что Земля, уже и так спаленная дотла огненным мечом великана Сурта, покрылась неисчислимыми язвами. Ситуацию выправила дочь лучезарной Соль, починившая колесницу матери и отправившаяся по ее маршруту, на сей раз безо всяких звериных погонь. К сожалению, наследники месяца погибли вместе с ним, и потому с тех пор некому в Асгарде носить коромысло из лунных лучей Симуль, канувшее навек в морских пучинах...

Сверкающий Хьюки Вороньего Когтя был назван в честь младшего сына месяца не только из-за своей формы. Ритуальная секира была отлита около века назад из куска неизвестного металла, предположительно осколка Луны, найденного в одном из кратеров, что на территории Скандинавии также имелись в избытке. Правда это или нет, проверить было невозможно. Рассказчики уверяли, что «небесный металл» был обнаружен неподалеку от древней Упсалы, а секиру из него ковали по технологиям предков – то есть вручную, в архаичной сельской кузнице. Таинство рождения Хьюки сопровождалось чередой мистических явлений: когда заготовку помещали в угли, огонь в горниле начинал жарко пылать без помощи мехов; масло для закаливания каждый раз меняло свой цвет при погружении в него «новорожденного»; сама заготовка оставалась раскаленной столь долгое время, что даже бывалые кузнецы удивленно качали головами... Все эти признаки говорили видаристам о том, что из-под кузнечных молотов на свет родилась не просто копия древнего оружия, а частица иного мира, в которой была заключена божественная сущность.

Именно поэтому Грингсон относился к ритуальной секире как к живому существу, сделав ее посредником в своих беседах с потомками могучих асов. Дроттин подолгу разговаривал со Сверкающим Хьюки, желая получить от него озарение при решении важных вопросов и толковании очередного знамения. Уверенность и эмоциональный подъем, которые неизменно посещали Торвальда после этих бесед, показывали, что конунг находил с богами общий язык. Видар во всем благоволил тем, кто верил в него, о чем всегда сообщал Вороньему Когтю через своего посредника – Сверкающего Хьюки. Плата, которую посредник требовал от конунга, была, по меркам воинственных асов, просто смехотворной: изредка Хьюки желал испить человеческой крови. Торвальд никогда не отказывал Сверкающему в его скромной просьбе. Утолить жажду крови в стране, где даже воровство каралось смертной казнью, было проще простого...

– Здравствуй, Сверкающий Хьюки! – почтительно поприветствовал Грингсон протянутую сыном секиру, после чего бережно, но уверенно взял ее в руки. – Сожалею, что побеспокоил тебя. Но ты простишь меня за это, не так ли? Сегодня действительно великий день, и ты тоже должен порадоваться нашей победе. Взгляни!.. – Вороний Коготь жестом триумфатора воздел руки с секирой к небу. – Мы сделали первый шаг на пути к нашей цели. Непременно передай это божественным асам! Пусть они ликуют вместе с нами!..

Горе тому, кто посмел бы побеспокоить Торвальда или – того хуже – посмеяться над ним в момент, когда одержимость и торжество конунга достигли своего пика. Все в округе, начиная от Лотара и до последнего фольменна, притихли, внимая каждому слову Грингсона и не сводя взора с его секиры. Свидетели беседы конунга с посредником асов прекрасно знали о том, чем завершится этот разговор.

Ван Борена колотила крупная дрожь, словно его усадили на вибросито. Унять страх и гордо взглянуть в глаза своей смерти было для инквизитора уже выше всяческих сил. Грингсон сломил дух Божественного Судьи-Экзекутора без единой угрозы. Но перед Вороньим Когтем, бывало, ломались и не такие гордецы, причем многие из них преклоняли колени добровольно. И все же Ван Борен был сломлен не до конца, поскольку умолять о пощаде он так и не стал.

– ...Попрошу тебя еще об одном одолжении, Сверкающий Хьюки, – продолжал Торвальд, казалось, не замечая никого вокруг. – Не для себя, а для наших павших сегодня братьев. Пере-

дай Видару, что я буду ему премного благодарен, если он усадит новых эйнхериев на их первом пиру в Валгалле рядом с собой! Братья это, бесспорно, заслужили! А теперь, Сверкающий Хьюки, прими от меня этот дар в знак признательности! – И зычно на всю площадь прокричал: – Хвала Видару!

И не успели все присутствующие на площади гаркнуть хором в ответ «Хвала!», как секира дроттина, сверкнув на солнце, с хрустом вонзилась в непокрытую голову Ван Борена. Магистр не успел даже вскрикнуть – повалился набок с раскроенным надвое черепом, а его паническая дрожь перешла в судорожную агонию.

Очевидно, жажда Сверкающего Хьюки была сегодня особенно сильной, поскольку Вороный Коготь нанес по мертвому телу не меньше двух дюжин ударов. Когда же он наконец остановился и перевел дыхание, труп инквизитора был истерзан до неузнаваемости. Обе руки Ван Борена валялись рядом отрубленными, от головы осталось лишь кровавое месиво, а перемолотые внутренности можно было вычерпывать из брюшной полости кружкой. Угомонившийся Грингсон опустился рядом с телом на колено, как следует испачкал ладонь в магистерской крови, а затем провел пятерней себе по лысине и лицу, вытерев напоследок пальцы о всклоченную бороду. Вид у Торвальда после этой процедуры стал такой, словно его голову тоже разрубили на части, но по какой-то причине она не распалась.

– Не стоит благодарности, Сверкающий Хьюки, – произнес конунг, слизывая с губ чужую кровь. Судя по всему, божественный посредник остался доволен подарком и уже успел отблагодарить конунга на понятном лишь ему и Хьюки языке.

Грингсон с кряхтением поднялся с колена, переложил секиру на сгиб локтя, отступил на два шага и указал свите на растерзанное тело. Пояснения не требовалось – все прекрасно знали, куда их приглашают.

Первым к изуродованному телу приблизился Фенрир. Повторив в точности все действия конунга, Горм напоследок прикоснулся к испачканному лезвию Хьюки, произнес «Хвала Видару!», после чего замер в молчании рядом, наблюдая за остальными.

– Идем! – не терпящим возражения тоном приказал Лотар Ярославу и уверенно направился к источнику жертвенной крови. Княжич совершил глубокий, мобилизующий волю вдох, крепко сжал ходящие ходуном ладони в кулаки и подчинился. По заверениям Лотара, тому уже доводилось принимать участие в ритуале Благодарения, а вот неофит Ярослав присутствовал на нем впервые. И надо сказать, увиденное княжичем сильно отличалось от восторженных рассказов побратима. Да и Лотар, несмотря на свои прежние похвалы, выглядел не слишком уверенно. Ярослава это утешило: Торвальдсон явно не станет подтрунивать над его неопытностью после Благодарения, а значит, можно не переживать о том, чтобы не ударить в грязь лицом. Волнение присуще всем новичкам, а тем более волнение при таком специфическом ритуале.

Выказав почтение Видару и уступив место ярлам, бледный Ярослав в молчании отошел в сторону и облизнул испачканные кровью губы. Его знобило и мутило, но он стойко сдерживал рвотные позывы под суровым взглядом Верховного жреца.

Чужая кровь показалась Ярославу на вкус совершенно иной, нежели собственная. Как и ощущения после ритуала Благодарения были вовсе не те, на которые рассчитывал сын Петербургского князя. Но ведь так и должно было случиться. О том, что мечты редко совпадают с реальностью, княжич усвоил еще в юности. Путь Воина, поначалу представлявшийся ему широкой ровной дорогой, ведущей к славе, оказался на поверку извилистой и ухабистой колеей, залитой по колено грязью, перемешанной с кровью. Чтобы дойти по такой дороге до Валгаллы, Ярославу потребуется гораздо больше сил и терпения, чем те, какими он сегодня обладал. Мысль о том, что вскоре ему предстоит убивать самому, беспокоила его больше всего. Слабость видаристами презиралась. Стоило княжичу проявить малодушие – и его без зазрения совести прикончат свои же новые братья.

Нет, не о такой судьбе мечтал Ярослав, покидая Петербург в погоне за славой и подвигами...

Впервые в жизни молодой княжич ощутил, что такое настоящая безысходность. Пути назад не было. Клятвы верности, которые за минувшие месяцы Ярослав раздавал направо и налево, удерживали его от бегства прочнее знаменитых пут Глейпнир, надетых асами на чудовищного Фенрира-волка. Ярослав – не безвестный русский перебежчик, коих в норманнской дружине также насчитывалось предостаточно. Он – сын великого князя, и имя Ярослава войдет в историю в любом случае. Княжич не хотел, чтобы в Скандинавии и России потомки запомнили его как клятвопреступника и труса. Уж лучше действительно умереть в бою и отправиться в Валгаллу молодым...

Валгалла, самый великий из трех чертогов, восстановленных Видаром в память об отце Одине... Так ли на самом деле она прекрасна, как описывает ее Вороний Коготь? Если судить по грязной дороге, ведущей к вратам Асгарда, Ярослава обуревали на сей счет сильные сомнения. И приглянется ли княжичу общество, собравшееся под крышами божественных чертогов? Ярославу предстояло целую вечность пировать в компании эйнхериев, подобных Торвальду и Горму. Целую вечность сходить с ними в битве, вновь и вновь воскресать, а по вечерам слушать пьяные вопли и бахвальство жестокими подвигами да отнятыми человеческими жизнями. Хорош воинский рай, ничего не скажешь...

– Ярослав, ты идешь? – вывел княжича из раздумий голос Лотара. – Эй, брат, да что с тобой?!

– Все в порядке, уже иду! – поспешил откликнуться Ярослав и припустил за побратимом. Тот направлялся на берег Рейна под охраной пяти датчан. Лотару требовалось отчистить померкнувшего Хьюки от крови – священная секира не могла вернуться на свое ложе в столь неподобающем виде. Сейчас Ярослав завидовал Сверкающему – княжичу предписывалось носить ритуальные кровавые полосы на лице вплоть до завтрашнего утра. Однако Ярослав чувствовал, что не сумеет смыть их даже до конца собственной жизни...

3

До меня уже доходили слухи, что в последнее время князю Сергею нездоровится. И вот теперь я получил этому подтверждение. Князь был еще далеко не старик, но выглядел сегодня под стать своему престарелому отцу, доживающему свой век в загородном дворце: отекавшее бледное лицо, впалые щеки, потухший взор, безвольно поникшие плечи... Я и не предполагал, что когда-нибудь увижу неунывающего правителя нашего княжества в таком упадке сил и духа. Впрочем, когда мы с Михаилом вошли в Белый зал Зимнего дворца, сидящий во главе массивного стола князь все же постарался придать себе бодрый вид, хотя полностью скрыть свое плохое самочувствие у его светлости, естественно, не получилось...

Мы прибыли во дворец по официальному приглашению спустя две недели со дня начала Новой Мировой войны – так, не мудрствуя лукаво, газетчики окрестили вторжение норманнов в Святую Европу. Присваивать этой Мировой войне порядковый номер газетчики пока не рискнули: то ли боялись сесть в лужу, если в ближайший месяц конфликт вдруг уляжется, то ли просто сбились со счета – ведь за Век Хаоса мир пережил столько глобальных войн, что в исторических хрониках не была отражена и половина из них.

Михаил, как и я, пребывал в неведении касательно того, с чем связано это приглашение, свалившееся будто снег на голову, и выдвинул несколько версий. Наиболее правдиво звучала следующая: раз уж мы с ним топали в Зимний на пару, значит, речь пойдет о ватиканском агенте, убитом недавно у меня в доме.

– На прошедшей сегодня в Зимнем дворце встрече князя с представителями эмигрантской общественности была особо отмечена гражданская бдительность господина Хенриксона, ценой героических усилий обезвредившего иностранного резидента! – взяв саркастически-пафосный тон, прокомментировал Михаил вероятные итоги еще не состоявшегося визита. Фигляр паясничал всю дорогу до Зимнего, но успокаивать Михалыча было еще неразумнее, чем поддразнивать. В беседах с Михаилом я всегда придерживался одной тактики: лучше дать костру прогореть, чем тушить его голыми руками. – Герою операции были торжественно вручены медаль «За заслуги перед вторым отечеством» и материальная компенсация в виде ковра и журнального столика. Присутствующий на приеме представитель петербургской контрразведки... – Михаил осекся, тяжело вздохнул и переменил тон на траурный: —...был поставлен в неприглядную позу и получил строгий выговор с занесением в личное тело. После чего сбежал с банкета, так как уже не мог принять сидячее положение.

– Сожалею, что вашей палате не удалось сохранить этот инцидент в тайне, – посочувствовал я контрразведчику. – Что поделаешь: шила в заднице не утаишь... Чего уставился? Опять я что-то не так сказал?

– Что у тебя с памятью? Книги умные читаешь, а банальные присказки выучить не можешь! И не совестно коверкать фольклор великого народа? Хотя про шило в причинном месте – это, пожалуй, весьма актуально сказано... – Михаил тоскливо поглядел на дворец и болезненно скривил лицо, будто кто и впрямь уколол Михалыча иглой в филейную часть. – Ладно, идем. Негоже заставлять светлейшего князя ждать...

Мне уже доводилось бывать в Белом зале Зимнего, и потому челюсть моя давно не отвисала при виде изысканного дворцового убранства. Парадоксальным качеством обладал князь Сергей – окружив себя роскошью, он тем не менее оставался прост в общении и непритворлив. Князь мог днями пропадать в порту и на фабриках, инспектируя работу докеров или ремесленников, и никогда не чурался перекусить с ними из общего котла. Это во многом роднило его с древним русским царем Петром Первым – талантливым, прогрессивным правителем и основателем замечательного города, что приютил нас, беглецов из Святой Европы.

По правую руку от светлейшего князя сидел его секретарь, что лишний раз подчеркивало официальность приема. Кроме них, в Белом зале больше никого не было. Ожидаемые Михаилом высокие чины из контрразведки также отсутствовали, отчего мой спутник заметно пригнулся, поскольку решил, что командование сделало его единственным козлом отпущения.

Мы с Михаилом не являлись титулованными особами и давно утратили статус почетных гостей, поэтому князь не стал выходить нам навстречу, а просто указал на ближайшие к нему кресла – уменьшенные копии того, в котором расположился сам.

– Извольте чаю, господа? – полюбопытствовал князь Сергей. – Или предпочитаете что-нибудь покрепче?

– Водки, если вас не затруднит, – ответил Михаил, не дав мне и рта раскрыть. После чего поспешно уточнил: – Я сегодня не на службе, да и на улице прохладно, знаете ли.

У меня не оставалось другого выбора, как из чувства дружеской солидарности пожелать того же самого. Водку Михаил в последнее время пил редко, и сегодня его желание принять на грудь выглядело всего лишь намыливанием веревки, на которой его вот-вот должны были подвесить за разгильдяйство. Князь нажал кнопку вызова прислуги и, когда дворецкий явился, передал тому просьбу гостей. Слуга удалился, после чего его светлость решил перейти к делу.

– Мне крайне неудобно перед вами, Эрик, за то происшествие, в которое вы угодили по халатности людей, обязанных защищать вашу семью...

Под заерзавшим Михаилом закрипело кресло – контрразведчик прекрасно понимал, кому адресованы эти упреки. Но, вопреки ожиданиям Михалыча, ему не пришлось отдуваться за свое ведомство, и князь Сергей не поставил бойца невидимого фронта в некрасивую позу, как тот ожидал. Забегая вперед, скажу, что в дальнейшей нашей беседе данная тема больше не затрагивалась и повод для пьянства устранился для Михаила сам собой. Чему тот, впрочем, не придавал значения, и, когда дворецкий поставил перед нами водку и холодные закуски, мой друг оценил княжеское угощение по достоинству. Действительно, не пропадать же добру, в конце концов!

– ...Семь лет назад я пообещал предоставить детям де Люка и вам политическое убежище, – продолжал князь, – но, как видите, обещание мое сдержано лишь наполовину. Вашей семье по-прежнему угрожает опасность. Однако я клянусь сделать все возможное, чтобы в будущем подобные инциденты не повторялись. И, чтобы хоть как-то загладить свою вину, хочу преподнести вам скромный подарок.

После этих слов секретарь князя вышел из-за стола и снял со шкафа деревянную шкапулку размером с большую раскладную шахматную доску. Я недоуменно взглянул на князя Сергея, но лицо того оставалось непроницаемым. Держа шкапулку перед собой, секретарь обогнул стол и с дежурной улыбкой вручил мне княжеский презент. Поблагодарив, я принял дар и сразу почувствовал, что внутри находится нечто весомое и, несомненно, ценное. Я почему-то решил, что в шкапулке – столовое серебро. Что ж, Кэтрин будет в восторге – ей всегда нравились дорогие и практичные вещи. Мне стало неловко от неожиданного и щедрого жеста его светлости, но говорить князю, что он напрасно все это затеял, было, конечно же, невежливо.

– Ваш подарок – огромная честь для меня, – растроганно признался я, ставя шкапулку на стол и отцепляя защелки на крышке. – Обещаю беречь его как зеницу ока...

Поначалу я подумал, что мне померещилось, однако под крышкой скрывалось именно то, чего я действительно никак не ожидал увидеть. И пусть Кэтрин этим сюрпризом было явно не обрадовать, я от такого подарка на несколько секунд буквально лишился дара речи. Заинтригованный моим ошеломленным видом, Михаил тоже привстал из кресла, дабы рассмотреть, чем же особенным побаловал меня наш благодетель...

– Твою мать!.. – в сердцах проговорил Михал Михалыч, забыв на миг от удивления, где находится, но тут же прикусил язык: – Оп!.. Виноват, ваша светлость! Просто ваш подарок...

Даю руку на отсечение, вы и впрямь сумели угодить моему товарищу! Да вы только взгляните на его довольное лицо!

– «Глок-87»! – все еще не веря своим глазам, проговорил я и медленно вынул из шка- тулки подаренный пистолет, которых там лежало аж два. Я держал подарок бережно, словно оружие было сделано из хрусталя, и взялся рассматривать его со всех сторон, как искатель извлеченную из земли драгоценную находку. – Я и понятия не имел, что «восемьдесят седь- мые» существуют! Когда-то я пользовался парой «пятьдесят девярых» и был уверен, что это последняя модель, которую Древние успели создать до Каменного Дождя... Год выпуска – две тысячи шестьдесят второй! Классический калибр, удлиненный ствол, удобство разборки и все привычные навороты: система стабилизации при быстрой стрельбе, автоматическая подгонка рукояти, куча всевозможных компенсаторов и примочек плюс ко всему... – Я присмотрелся к овальной выемке-глазку на рукояти. – Да, те же, что и на «пятьдесят девятом», двусторонние, рассчитанные на правшей и левшей оптические сенсорные предохранители. Они позволяют взвести курок только после определения отпечатка пальца владельца. Поначалу неудобно, но потом привыкаешь. Оружейники до сих пор ломают головы, как и от какого источника питания работает эта загадочная примочка. Зато, если владелец заблокирует предохранитель, никто уже этим оружием не воспользуется: ни враги, ни собственные дети...

– Эй, ты здесь? – Михаил обеспокоенно толкнул меня локтем в плечо.

– Что? – недоуменно взглянул я на него, после чего усмехнулся. И впрямь, чересчур уж сильно увлекся. Прямо не серьезный взрослый человек, а ребенок, заполучивший новую игрушку, честное слово. Вон и князь поглядывает со снисходительностью, тоже небось смеется надо мной про себя.

– Авторитетная пукалка, – уважительно произнес Михаил. – Ты мне только одно скажи, и я отстану: штопор или хотя бы открывалка в ней предусмотрены?..

– Мы знали об этих мудреных предохранителях, Эрик, поэтому никто к пистолетам до вас не прикасался, – сообщил правитель. – Мой друг, сделайте милость, покажите старику: как работает сия диковинка?

Подойдя к князю, чтобы он мог наблюдать, я вложил рукоять «глока» в правую ладонь и плотно прижал средний палец к глазку предохранителя. Внутри пистолета что-то легонько щелкнуло, после чего затворная рама резко отъехала назад без всякого моего вмешательства. Я вздрогнул: автоматическое взведение – это что-то новенькое; на «пятьдесят девятом» этой функции точно не было. Теперь не удивлюсь, если вдруг узнаю, что «восемьдесят седьмой» еще и самостоятельно определяет, когда ему стрелять и сколько патронов за раз выпускать. Ох уж эти головастые умники-Древние, у которых, по слухам, даже зубные щетки были с мотор- чиком!..

– Это очень дорогой подарок, ваша светлость. – Я покачал головой, укоряя князя за столь неоправданную широту души. – Где вы раздобыли этих близнецов?

– Государственная тайна, – шутливо ответил князь, однако карты все же раскрыл. – Уди- витесь, если узнаете, что к появлению этих пистолетов здесь, в России, вы причастны самым непосредственным образом?

– Как такое может быть?

– Очень даже просто. После той стычки на границе мы сумели наладить контакт со святоевропейскими байкерами. Сначала с хорошо известным вам господином Оборотнем, а через него – еще с парой таких же одиозных личностей. Надо заметить, весьма полезное выда- лось знакомство. Как в торговых вопросах, так и в плане добычи стратегической информации. Мы допускали серьезную ошибку, отвергая ранее сотрудничество с рыцарями дорог. Цены за услуги они, конечно, ломают дикие, но результаты того стоят. Я был приятно шокирован, когда узнал, как много можно выведать о наших западных соседях всего за бочку бензина. Кстати, эти пистолеты достал для нас пару лет назад именно Оборотень. Причем не взял за них ни

копейки. Господин О’Доннел сделал подарок нашему княжеству в честь, так сказать, пятилетия взаимовыгодного сотрудничества. А также за то, что мы дали его сестре право на жительство. Благородный, однако, сукин сын, хоть и бандит.

Я покосился на Михаила. Он не рассказывал мне о контактах русской разведки с байкерами, хотя порой по старой дружбе делился кое-какой незначительной информацией. Михаил проигнорировал немой упрек, поскольку в этот момент приступил к дегустации княжеской водки, все еще опасаясь, что его заставят-таки отдуваться за допущенную халатность.

– А вы не боитесь, что Пророк использует против вас вашу же тактику шпионажа? – поинтересовался я у князя.

– Я скорее поверю, что Пророк – тот, за кого он себя выдает, чем тому, что он привлек на службу байкеров, – молвил его светлость. – В Святой Европе их продолжают считать грязным отребьем, которое следует истреблять, как крыс. Да и нет у Гласа Господнего столько бензина, чтобы еще и с байкерами за услуги расплачиваться... Ну как, Эрик, довольны подарком?

– Спрашиваете! – ответил я, активируя предохранитель на втором пистолете. В шкатулке имелись также запасные магазины и две пачки патронов, но ими я намеревался заняться уже дома. Наигрался, пора и честь знать. – Получается, теперь я ваш должник.

– Полноте, – отмахнулся князь. – Ничего вы мне не должны. Однако вы уже наверняка догадались, что я позвал вас сюда не только за этим. Не буду томить – у меня к вам имеется серьезное поручение довольно деликатного свойства. Оно в равной степени касается как международной политики, так и моих семейных проблем. Контрразведка осведомлена, где сейчас находится мой сын Ярослав. Вероятно, и вы, Эрик, уже об этом слышали.

– Нет, ваша светлость, я не в курсе. – Мне пришлось слукавить, поскольку не хотелось признаваться, что кое-какие слухи до меня все же доходили.

Нервно вертя в пальцах карандаш, князь Сергей вкратце обрисовал мне ситуацию. По тому, насколько он был расстроен, я решил, что, помимо истории блудного Ярослава, выяснил и причину княжеского недомогания. Положение складывалось гораздо хуже, чем я подозревал. Ярослав был молод, горяч и впечатлителен, поэтому совершенно не беспокоился о последствиях своего необдуманного шага. А последствия могли обрушиться на голову князя, как из мешка.

Прежде всего политические. Весть об участии русского княжича в войне на стороне норманнов так или иначе дойдет до Пророка, что сильно осложнит и без того напряженные отношения петербургского и святоевропейского правителей. Пока шла Новая Мировая и Глас Господень был занят изгнанием скандинавов, ему было, разумеется, не до конфликтов с Петербургом. Но в случае победы Ватикана конфликт неизбежен. А успех Торвальда Грингсона в этой войне ставился под очень большой вопрос.

В России постоянно ожидали дипломатов от Пророка с предложениями о создании альянса для разгрома северных интервентов, однако таковых предложений российским князьям пока не поступало. Пророк истово верил в собственное могущество, усиленное не только покровительством Всевышнего, но и вполне боеспособной армией. Именно в этот момент Защитники Веры объединяли усилия для массированного удара по агрессорам,двигающимся по Рейну в глубь Святой Европы, словно зубастый червь к сердцевине яблока.

Вороний Коготь уповал на поддержку своих богов и тоже верил в победу. За внешне безрассудной наступательной тактикой «башмачников» скрывались неплохое техническое оснащение и огромный опыт ведения локальных войн. Вместо морского похода на Ватикан, во время которого флот норманнов был бы изрядно потрепан, а то и вовсе потоплен в Средиземном море, Грингсон предпочел вкогтиться в побережье врага стремительной высадкой и на десантных ботах отправился вверх по Рейну. Несколько моторизованных сухопутных дружин на легкой бронетехнике двигалось по берегам реки параллельно огромной флотилии, прикрывая ее с флангов. По данным русской разведки, позавчера норманны сровняли с землей Бонн и

сейчас двигались к Мангейму. Особо яростного сопротивления «башмачники» пока не встречали – уцелевшие Защитники Веры из Дюссельдорфа и Бонна отступили, чтобы примкнуть к идущей с юга армии Крестоносцев – мощного бронированного кулака, спешно сформированного из частей Ватиканской, Мадридской, Афинской и прочих епархий. Армию возглавлял сам Апостол Защитников Веры. Пророк возлагал на Крестоносцев все свои надежды, которые имели хорошие шансы сбыться.

И хоть князь Сергей завел с нами разговор прежде всего о грозящих ему политических проблемах, было очевидно, что он думает больше не о них, а о судьбе своего единственного наследника. Выросший в мирном Петербургском княжестве, Ярослав бросился сегодня в такую заваруху, выжить в которой было нелегко даже матерому вояке. Безусловно, я во многом понимал княжеского сына – жажда приключений в юные годы идет рука об руку с безрассудством. Но поскольку сам я уже давно воспитывал троих приемных детей, одобрить поступок Ярослава у меня не получалось при всем желании. По прибытии на родину княжичу требовалось учинить хорошую родительскую взбучку, однако дело складывалось так, что Ярослав мог попросту не дожить до возвращения в родные пенаты.

– Я все надеялся, что Ярослав одумается, – закончил князь свой печальный рассказ. – Норманны – не слишком приятные люди. Я полагал, что сыну с его воспитанием будет сложно прижиться у них и вскоре он примчится домой. Но, оказывается, мы плохо его знали. И наш посол в Стокгольме, и дипломаты, которые были посланы ему в помощь, не сумели уговорить Ярослава вернуться. Я уже хотел направить делегацию к Грингсону, чтобы он вошел в наше положение и сам повлиял на моего сына, но в последний момент мне пришлось оставить эту идею. Просто я вдруг понял, что такая помощь лишь навредит Ярославу, которому и так сейчас нелегко. Моя чрезмерная опека унижит его в глазах головорезов, которые его окружают. Он станет объектом для насмешек, что в конечном итоге повредит и ему, и репутации нашего княжества. Ничего не попишешь, господа: я не имею права слепо подчиняться отцовским инстинктам. Мне приходится думать и о политических последствиях собственных действий. Таков крест правителя. Да, я тоже в молодости ненавидел своего отца за то, что он был со мной излишне строг и холоден. Но, став князем, я сказал ему за эту строгость спасибо. И в будущем мне хочется услышать такое же спасибо от Ярослава. Но, как мне подарить ему это будущее, если он его сознательно отвергает? Как, черт побери? А тут еще проклятая война, будь она неладна!

Князь в бессильной ярости стиснул кулак и сломал зажатый в нем карандаш, после чего в раздражении швырнул обломки на стол. Я терпеливо ожидал, когда правитель объяснит, что конкретно от нас требуется. Однако Михаил, в чей список достоинств терпение не входило, решил проявить инициативу:

– Вы приказываете нам отыскать Ярослава в Святой Европе и доставить его обратно в Петербург, ваша светлость?

– Не приказываю, Михаил, – поправил его князь. – Это будет всего лишь дружеской просьбой. Вы в любой момент вольны отказаться от ее выполнения, если решите, что такая работа вам не под силу. Но вознаграждение за труд вы получите так или иначе.

Я нахмурился: да, нечто подобное и предвиделось. Отозвать княжича из зоны боевых действий и сопроводить домой... Или «отозвать» – это мягко сказано? Если гора не идет к Магомету, значит... нет, неверная присказка. Здесь, скорее, подошло бы изречение древнего мудреца Клеанфа: «Желающего идти судьба ведет, нежелающего – тащит». Что ж, будет весьма почетно выступать в роли княжеской Судьбы.

– Насколько далеко станут распространяться наши полномочия? – обтекаемо поинтересовался я. То, что нам предстоит нелегальная операция, можно было не спрашивать. Отправлять Эрика Хенриксона с официальной миссией в Святую Европу, даже находящуюся в

состоянии войны, и уповать на то, что его защитит дипломатический иммунитет, мог только отчаянный оптимист или идиот. Князь Сергей к таковым отнюдь не принадлежал.

– Вы хотите спросить, будет ли вам разрешено применять оружие или эвакуировать моего сына силой? – Его светлости пришлось не по нраву мои намеки, и он потребовал от меня конкретный вопрос.

– Совершенно верно. – Я кивнул. – Буду признателен, если вы остановитесь на этом поподробнее.

– Само собой разумеется, Эрик... Заявляю сразу и категорично: если согласитесь мне помогать, и думать забудьте о насильственной эвакуации Ярослава! Применяйте оружие исключительно для самообороны, и то если доведется вступить в конфликт со святоевропейцами. Со скандинавами – никаких конфликтов! Я очень надеюсь, что сын достаточно насмотрелся на кровь и сегодня окажется гораздо проще убедить его вернуться домой.

– Прошу прощения, ваша светлость, но почему для этих переговоров вы выбрали именно меня и Эрика? – любопытствовал Михаил. – Нет, конечно, ваше доверие нам льстит, но полагаться на нас, как на переговорщиков, все же... хм... слегка неосмотрительно. Вот если бы вы, к примеру, заставили нас провести чей-нибудь допрос с пристрастием или побузить в лагере у «башмачников», тогда все ясно. Но дипломатия, она... как бы это сказать... немного не по нашей части.

– Я осведомлен об этом не хуже других, – сказал князь. – Только с чего вы взяли, что именно вам придется заниматься переговорами? Нет, ваша обязанность – обеспечивать безопасность моего главного переговорщика. И ничего лишнего, а тем паче предосудительного.

– Но даже если так, – не унимался Михаил, – скажите, почему все-таки мы? Я, как видите, не слишком легок на подъем, – он продемонстрировал князю свою трость, – да и Эрик не молод – вон как суставы скрипят, за версту слышать...

Наверное, и впрямь слышать – на свои скрипящие суставы я Михаилу никогда не жаловался.

– Здесь все просто, – ответил князь. – Когда полтора месяца назад в Стокгольме Ярослав поколотил и вышвырнул за дверь нашего лучшего дипломата Севастьяна Сомова, все мои переговорщики заявили, что умывают руки. Теперь они боятся даже приближаться к моему сыну, не говоря о том, чтобы просить его одуматься. Даже за хорошее вознаграждение. Вы не представляете, сколько труда мне стоило отыскать добровольца, который согласился бы взвалить на себя эту непростую задачу. Однако, в конце концов, такой человек нашелся. Этот герой служит у меня в Думе скромным советником по зарубежной политике. И он не просто согласился отправиться к Ярославу на переговоры, но и гарантировал мне положительный результат. Правда, при одном условии: с ним непременно должны отправиться «разлюбезнейшие господа Эрик и Михаил» – именно так он и заявил...

– Магистр Конрад?! – в один голос воскликнули мы с Михаилом, по глубоко въевшейся охотничьей привычке назвав господина фон Циммера магистром.

– Я так и знал, что вы догадаетесь, о ком идет речь, – довольно потер руки князь. – Конрад фон Циммер, один из моих лучших консультантов по Святой Европе. Отменный профессионал и исполнительный служащий. Подобные ему люди встречаются один на тысячу, а то и реже. Даже не верится, что в груди этого маленького человека бьется такое большое и благородное сердце...

– Заткните мне уши – я не могу это слышать, – прошептал Михаил, притворно закатив глаза. – Дожили: проклятый Черпак тащит нас обратно в пасть Дьявола! Знал бы, что такое произойдет, пристрелил бы мелкую тварь еще семь лет назад, под Лавалем...

– Почему же магистр... э-э-э, то есть господин фон Циммер так твердо уверен, что у него все получится? – осведомился я, с трудом осознавая, что услышанное нами не шутка.

– Вы разве забыли, что Конрад Фридрихович – бывший дознаватель Ордена Инквизиции? – недоуменно вскинул брови его светлость. – Фон Циммер – специалист в убеждении людей отступать от ложных точек зрения... – И, предвидя саркастические замечания уже раскрывшего рот Михаила, уточнил: – Не думайте, что люди этой профессии все как один отъявленные истязатели, вроде изверга Аврелия. Сам факт, что Конрад Фридрихович последовал за вами в изгнание...

– Тоже мне, жена декабриста! – пробормотал Михаил.

– ...говорит о том, что он глубоко раскаивается в содеянных им злодеяниях. Я придерживаюсь мнения, что талантливый инквизитор обладает даром убеждения и без пыточных инструментов. К тому же фон Циммер заверил меня, что вы оба были свидетелями, как ему без пыток удалось убедить Охотника предать своих братьев.

Михаил побагровел и стиснул подлокотники кресла. Что ни говори, а обидно, когда какой-то проходимец присваивает авторство твоей уникальной идеи допроса Охотников. С этой минуты я уже не сомневался, что Михалыч без колебаний пойдет за Конрадом не только в «пасть Дьявола», но и в более отвратительные места. Исключительно ради того, чтобы навеки оставить там наглого коротышку.

– Что было, то было, – подлил я масла в огонь Михайлова гнева, о чем меня тут же известил испепеляющий взгляд моего друга. – А многоуважаемый Конрад Фридрихович случайно не рассказывал вам о том, как он руководил операцией по захвату маньяка-педофила Люцифера?

– Нет. А он и там отличился? – искренне поразился князь. – Я не знал... Согласитесь, какой все-таки отважный человек этот фон Циммер! А по виду не скажешь.

– И не говорите, – продолжал я испытывать терпение Михаила. – В городка Перудже, что под Ватиканом, в честь инквизитора Конрада даже улицу назвали.

– Да неужели?.. Что ж, спасибо вам, господа: я лишний раз убедился, что мой выбор пал на достойного человека, – подытожил князь. – Теперь все в его руках. Так, значит, вы согласны сопровождать Конрада Фридриховича в его нелегкой миссии?

– Разумеется, ваша светлость, – подтвердил я. – После всего что вы для нас сделали, мы будем рады помочь вам разрешить эту непростую ситуацию. Я пока не знаю, что задумал фон Циммер, но уверен, вместе мы найдем приемлемое решение.

– Присоединяюсь к Эрику, – с нездоровым блеском в глазах произнес Михаил. – Мне тоже приходилось работать с Конрадом Фридриховичем. Редкостный... во всех отношениях человек. В охотничьих рейдах мы всегда находили с ним общий язык.

– Благодарю за поддержку, господа. – В глазах князя Сергея сквозь пелену грусти пробился тоненький лучик надежды. У меня же в успехе грядущего предприятия не было даже такой зыбкой уверенности. – Я знал, что на вас можно положиться. С техническими деталями миссии вас подробно ознакомит фон Циммер, и я не буду на них отвлекаться. Опишу лишь вашу основную задачу. Со дня вторжения в Святую Европу Торвальд Грингсон так и не потрудился сделать по этому поводу заявление для российского Совета Князей. Дипломатические каналы не функционируют: все скандинавские послы отозваны сегодня из России под разными предлогами. Поэтому от имени нашего Совета я взял на себя ответственность выдвинуть к конунгу Скандинавии представителя. Ему необходимо взять у Грингсона официальный комментарий происходящего и завизировать его документально. Для скандинавов вы – дипломатическая миссия Совета Князей, и это действительно так. Думаю, в Совете знают, почему именно я вызвался направить делегатов, но это не важно. Торвальд тоже достаточно умен, чтобы догадаться, какие еще цели преследуют послы из Петербурга. Однако он не посмеет причинить вам никакого вреда. Как и отказать в просьбе о конфиденциальной встрече с Ярославом – такое свидание будет выглядеть вполне в порядке вещей.

– Другой вопрос, согласится ли Ярослав на это свидание, – заметил Михаил. – И не найдет ли Грингсон предлог, чтобы оно не состоялось.

– Да, это может оказаться для вас основной загвоздкой, – признал его светлость. – Нельзя предсказать, с чем вам придется столкнуться в лагере норманнов, а также по дороге туда и, дай бог, обратно. Сидя в этом зале, мы не увидим и половины проблем, ожидающих вас в Европе. Что ж, таковы издержки дипломатии. В политике часто приходится соваться в воду, не зная броду, только для того, чтобы обнаружить этот проклятый брод. Я уже предпринял кое-какие меры и заручился поддержкой нужных людей за границей. Они по мере сил поспособствуют вашей миссии. Святоевропейские документы, паспорта и деньги вы тоже получите. К сожалению, больше я вам ничем помочь не могу. Поэтому в лагере Грингсона вы будете рассчитывать только на свои силы. А я – ежедневно молиться, чтобы Господь ниспослал вам удачу...

– Чер!.. Чер!.. Чер!.. – задыхаясь от негодования, заладил Михаил, когда мы с ним покинули Зимний и остановились на Дворцовой площади обсудить прошедшую встречу, итоги которой не сумел предсказать даже мой прозорливый друг.

– Дыши ровнее... Так, еще ровнее... Очень хорошо, скоро тебе полегчает... – заботливо советовал я, опасаясь, как бы Михалыч ненароком не слег от инфаркта и не вынудил меня в одиночку нянчиться с ублюдком Конрадом. – Согласен: чертовски неприятная ситуация. Но сам посудите: разве можно отказывать благодетелю, которому мы обязаны всем?

– Черпак!!! – вырвалось наконец у Михаила. Мне почудилось, что от его гневного рыка пошатнулась Александрийская колонна, а охраняющие дворец гвардейцы вздрогнули и едва не вскинули винтовки. – Да я его живьем закопаю! Где живет эта сволочь?

Я знал, где находится новый, недавно купленный дом бывшего инквизитора Конрада, прозванного когда-то святоевропейскими байкерами Черпаком, однако не торопился выдавать Михаилу эти сведения. Жаль было подвергать насилию чересчур самоуверенного, но в целом неплохого господина фон Циммера, у которого, между прочим, мы тоже оставались в большом долгу.

– Остынь, – попросил я Михаила. – Успеешь еще поговорить с Черпаком, никуда он от нас теперь не убежит. Отвратительно, конечно, было со стороны Конрада не поставить нас в известность, однако незачем бить друг другу морды перед таким ответственным мероприятием.

– Ты явно хотел сказать не «морды», а «наглую мелкую морду», не так ли? – все еще пытаясь от возмущения, проворчал контрразведчик. – Ты слышал, что этот прыщ князю наболтал? Конрад ведь не сказал, что сделает в Европе все возможное. Он дал гарантию, мать его! И нас под эту статью подвел! Нет, я вовсе не против помочь его светлости. Наоборот, даже рад в кои-то веки отплатить князю за его доброту. Но только не под началом этого комедианта Фридриховича! Да это же просто несерьезно: Эрик и Михаил вновь поступают под командование магистра Конрада!.. – И, отсалютовав по-охотничьи, к козырьку, прогнусавил: – «Так точно, ваша честь!», «Разрешите идти, ваша честь?», «Отступник доставлен, ваша честь!»... Тьфу на него!

– Разве нам с тобой привыкать? – пожал плечами я.

– Ты у меня еще поостри! – пробурчал Михаил. – Вот увидишь, в какие дебри затащит нас с тобой друг Кондратий. Охота на Люцифера игрой в казаки-разбойники покажется! Жду не дождусь, когда услышу, что же такое сокровенное собрался шепнуть коротышка на ушко княжичу, отчего тот рванет назад, к папаше, впереди нас.

– Не забывай, что Конрад и не таких упрямцев уламывал, – заметил я. – Наверняка он уже разработал в отношении Ярослава какой-то подход.

– Понятия не имею, что он там разработал. Но готов поспорить, что ничего путного из этого не выйдет. Вот увидишь, я, как всегда, буду прав!..

Я промолчал. Михаил был несусветным занудой, но его прогнозы имели моду сбываться, порой даже вопреки здравому смыслу. Однако сейчас мне предстояло задуматься о другом: как потактичнее сообщить Кэтрин о моем отъезде на неопределенный срок. Здесь уже не надо было являться провидцем, чтобы догадаться: дома у меня назревал грандиозный скандал, причем такой, какого я за время семейной жизни еще не видел...

4

Словно гангрена, неотвратимо пожирающая раненую конечность, двигались норманнские дружины вверх по Рейну. К сожалению, «сыворотка» была введена Пророком в зараженное тело Берлинской епархии слишком поздно и мелкими дозами. Такое неэффективное лечение не могло побороть заразу, что в мгновение ока парализовала все функции еще вчера пышущего здоровьем организма.

Судьба Дюссельдорфа один в один повторила судьбу Роттердама. Город был взят всего за четыре часа. Бронированные дружины Грингсона лавиной обрушились на плохо подготовленные к вторжению части Защитников Веры и рассеяли их по окрестностям. А те, кто намеревались стоять до конца, были похоронены в своих же окопах, которыми накануне был поспешно обнесен город. Снеся ворота Дюссельдорфа, норманны ворвались в него безудержной лавиной, и вскоре над городом взметнулся гигантский черный столб дыма, видимый даже в Бонне, — следующей цели свирепых «башмачников».

Бронетехника норманнов состояла в основном из сотни колесных БТР-амфибий «Рад-грид», оснащенных сорокамиллиметровой пушкой и двумя легкими пулеметами, а также двух сотен таких же плавающих бронемашин «Ротатоск» с одним крупнокалиберным пулеметом на кузовной турели. Впереди этой сухопутной армады двигались дозорные на юрких и проходимых квадроциклах с пулеметчиком или гранатометчиком на пассажирском сиденье — незаменимый транспорт для диверсий и внезапных атак с фланга. Помимо этого, в Роттердаме были спущены на берег десять танков. Но все они были оставлены для обороны оккупированного города — главной военной базы захватчиков на северном побережье. Тащить с собой тяжелые танки Грингсон отказался — колесная бронетехника и двигалась резвее гусеничной, и горючего расходовала меньше. Что до прочего огневого и инженерного обеспечения, то оно состояло из мобильной минометной батареи да саперной бригады, имевшей при себе большой арсенал взрывчатых средств.

Противостоять такой ударной силе могли лишь хорошо оснащенные подразделения Защитников Веры, что дислоцировались в столицах епархий. Однако по всему руслу Рейна лежали только плохо укрепленные провинциальные города, неприступные разве что для байкерских банд. Вороний Коготь рассчитал для своего войска оптимальный маршрут, сберегая силы до Ватикана, на чьи всемирно знаменитые стены пятидесятиметровой высоты не замахивался еще ни один безумец. Слышал или нет Торвальд русскую пословицу «Смелость города берет», неизвестно, но для взятия Божественной Цитадели одной смелости ему было явно недостаточно.

Дюссельдорф и Бонн разделяли двести километров безжизненных, промерзлых пустошей. Десантные боты и проходимая бронетехника норманнов преодолели это расстояние за полдня. Однако, когда перед «башмачниками» показалась их следующая цель, стало ясно, что здесь Вороньего Когтя поджидают силы посерьезнее тех, что он разгромил при Дюссельдорфе. Бонн был окружен крупным формированием Защитников Веры Берлинской, Парижской и Новопражской епархий. На сей раз норманны, половина из которых при вчерашнем штурме даже не покидала лодок, дружно спешили и впервые за время интервенции не стали атаковать противника с ходу.

Бонн также защищала артиллерийская батарея, доставленная к его стенам блицмаршем из Парижа. Гордость Парижского архиепископа, грозная семерка восьмидесятимиллиметровых орудий представляла для «башмачников» реальную угрозу. Ситуацию осложняло и то, что город нельзя было обложить со всех сторон. Глубокий обрывистый кратер у его восточной стены препятствовал ударам с левого фланга, а русло Рейна, протекающее вдоль западной стены, не давало возможности прорваться в город по реке. Единственная дорога в Бонн про-

легала по плоской и хорошо простреливаемой равнине. Ее уже устилали присыпанные снегом крестьянские бороны – Защитники Веры проявили выдумку и позаимствовали у байкеров их безотказную тактику для остановки торговых грузовиков.

Смеркалось, но прибывшие еще днем норманны так и не показывались на глаза Защитникам. Нерешительность агрессора, что прятался под прикрытием холмов и излучины реки, приподняла боевой дух святоевропейцев. В город уже пришли известия о сформированной и выступившей в поход армии Крестоносцев, готовой задавить язычников количественным и огневым превосходством. Боннские Защитники Веры молились, чтобы им хватило сил и мужества дождаться прибытия подкрепления. Для этого требовалось продержаться оборону как минимум четыре дня.

Стратегически выгодное расположение города и пушки парижан делали эту задачу выполнимой. Боты норманнов не могли безнаказанно пройти по реке мимо городских стен. Защитники предполагали, что Грингсон переправит технику на противоположный берег и попытается прорваться в Бонн через единственный мост. Поэтому на нем был выставлен плотный заслон, но на крайний случай оборонявшиеся обвязали опоры моста тротильными шашками. Так что, если на западном участке обороны дела пойдут совсем туго, брешь можно будет перекрыть намертво.

Только четыре дня требовалось сидящим как на иголках Защитникам Веры, чтобы сдерживать лютого зверя. Все вероятные удары врага были просчитаны, все орудия пристреляны. Снарядов и припасов имелось вдоволь, надо было лишь не дать грязным язычникам приблизиться к городу. А они, как нарочно, подыгрывали Защитникам, не иначе как отложив атаку до следующего утра. По крайней мере, ни на этом, ни на противоположном берегах Рейна никаких вражеских маневров не наблюдалось.

Гром прогремел в два часа пополудни, когда на стены города вышла новая смена часовых. Раскаты доносились из лагеря норманнов и напоминали скорее не стрельбу, а хлопки праздничного фейерверка, вспышек которого, однако, никто не видел. Что происходило в стане врага, со стен рассмотреть было нельзя. Защитники Веры, выскочившие по тревоге из теплых палаток, недоуменно всматривались во мрак, пытаясь выяснить причины странного шума. А полминуты спустя к какофонии присоединился идущий с неба пронзительный свист. Он также напоминал звук шумовых петард, разве что был гораздо громче и не стихал, а наоборот, усиливался с каждой секундой.

Пиротехника, которой норманны всполошили противника, предназначалась вовсе не для психологической атаки. Череда взрывов вздыбила землю в сотне шагов от городских стен, причем некоторые взрывы прогремели прямо в воздухе, на высоте нескольких метров от земли. Хлеставшие по стенам осколки взбудоражили Защитников, большинство из которых лишь понаслышке знало о таком коварном оружии, как миномет. А уж под огнем минометной батареи не доводилось бывать никому из них.

Укрывшиеся в складках местности, норманны отнюдь не намеревались кидаться в бой, подобно своим предкам-берсеркерам. Произведя пристрелочные выстрелы, они подкорректировали прицелы минометов и уже следующим залпом накрыли весь северный участок оборонительного периметра: стены, усиленные рубежи перед ними, палаточные лагеря в черте города... А также арсеналы врага, до которых «башмачники» также с легкостью дотянулись при помощи своего чудо-оружия. Пронзительно свистящие мины пикировали на головы Защитников, разрываясь и в небе и на земле. Укрыться от мин можно было разве что в подвалах. Захватчики не жалели снарядов. Торвальд затем и приволок в Европу минометную батарею, поскольку знал, что без нее взять укрепленные города будет на порядок сложнее. Северный район Бонна щедро осыпался осколками, и хоть мины не могли разрушить городские стены, норманнам удалось согнать с них солдат противника.

Защитникам Веры пришлось совсем туго, когда одна из мин угодила в артиллерийский арсенал. Складированные неподалеку от ворот и готовые к отправкам на позиции, снаряды детонировали с такой силой, что сорванные с петель городские ворота вылетели из арки. Для Торвальда это послужило сигналом к штурму, и конунг немедленно отправил в бой передовую дружину. Идущие в атаку фьольменны заодно расчищали коридор для техники, убирая с ее пути замаскированные бороны. Протоптаный пехотой в снегу путь служил для водителей бронемашин отличным ориентиром.

Едва первая дружина ринулась вперед, минометчики прекратили утюжить прилегающую к городу территорию и перенесли огонь за его стены. Выжившие стражи внешних рубежей взялись вяло огрызаться, но им было уже не под силу сдержать напор «башмачников».

Комендант Бонна выставил на северном секторе обороны четыре из семи орудий, и только одно из них оставалось боееспособным. Два были уничтожены вместе с орудийными расчетами, а бойцы третьего спешно пытались перекатить пушку на запасную позицию, поскольку засыпанная землей старая стала теперь непригодной для стрельбы. Подключившиеся к бою норманнские снайперы перебили неудачливых артиллеристов, а их орудие так и осталось брошенным на дороге.

Надо признать, что мужественный расчет уцелевшего орудия сопротивлялся до конца. Защитники даже успели расстрелять все снаряды, придержав первую атакующую волну врага, пока их товарищи по оружию отходили в город. Сами артиллеристы, к сожалению (а может, и к счастью для них), до города не добрались и легли бок о бок с теми солдатами, кто остался защищать ворота. Прекратившийся минометный огонь позволил Защитникам вернуться на стены, только это уже не спасло ситуацию. Захватчики хлынули в пробитую брешь под прикрытием подоспевшей бронетехники и взялись доделывать начатую минометчиками работу. Прорвав оборону Бонна, «башмачники» ввязались в уличные бои, где деморализованные Защитники Веры сдавали одну позицию за другой. От трех оставшихся пушек толку теперь было мало, и две из них перешли в руки норманнов, не успев сделать ни единого выстрела. Оставшееся орудие было в спешном порядке отбуксировано к епископату, где его вскоре уничтожили из гранатомета фьольменны «Датской Сотни».

К обеду Бонн был взят и стрельба на его улицах практически стихла. Лишь однажды город содрогнулся от раскатистого грохота. Это отступающая из города жалкая кучка Защитников взорвала за собой заминированный мост. Взрыв моста не причинил норманнам никакого вреда и был произведен скорее от отчаяния, нежели по стратегической необходимости – Вороний Коготь не собирался тратить силы на преследование поджавшего хвост врага.

После взрыва артиллерийского арсенала изрядная часть города и так лежала в руинах, но конунг не удовлетворился этим и приказал в назидание спалить Бонн дотла. Чего, кстати, Торвальд не сделал ни в Роттердаме, ни в Дюссельдорфе, хотя и тот и другой также оказали ему сопротивление. Город, чей возраст исчислялся двумя с лишним тысячелетиями, за пару часов был уничтожен подчистую. И когда над развалинами Бонна унялись пламя и дым, этот город уже ничем не отличался от развалин других городов, что встречались в раскинувшейся неподалеку отсюда пустоши.

Чем именно объяснялась ярость конунга – злостью от первых ощутимых потерь или желанием преподать урок, – Грингсон не уточнял. Однако те, для кого предназначался этот урок, усвоили его накрепко. В Мангейме – следующем укрепленном пункте на пути «башмачников» – их взору предстала совершенно иная картина.

Мангейм располагался в месте слияния Рейна с его правым притоком Неккаром и был на семьдесят процентов окружен водой. Он тоже мог бы стать для Торвальда крепким орешком. Но каково же было удивление норманнов, когда вместо орудийного огня их встретили распахнутые настежь городские ворота и мертвая тишина покинутых улиц!

Заподозрив неладное, Грингсон отправил в город дозорных. Возвратившись из рейда по безлюдному городу, они приволокли с собой пару бродяг-мародеров. Те подтвердили: да, действительно, все горожане покинули Мангейм сутки назад. Идущие от южных ворот следы и дома с оставленными наименее ценными вещами и записками, где Торвальда умоляли не учинять поджоги, также указывали, что город сдан победителям без боя.

Выслушав доклад дозорных, Вороний Коготь дал дружинникам на разграбление города три часа, после чего выступил в дальнейший путь. Грингсон внял письменным мольбам горожан и не стал сжигать Мангейм. «Мы не воюем с пустыми домами!» – изрек напоследок конунг.

Стоя на корме «Бельверка», Торвальд еще долго созерцал удалявшийся, будто мираж, безжизненный город. Лицо конунга при этом было мрачным. Он не соглашался с некоторыми ярлами, полагавшими, что боевой дух врага окончательно сломлен и армия Крестоносцев – это всего лишь агония упрямого Ватикана, не желающего признать свое поражение. Легкие победы не ослепили Торвальда. Он осознавал, что навстречу ему идут грозные силы, атаковать которые в лоб было равносильно самоубийству. Именно поэтому Грингсон и торопился в Базель – конечный пункт водного пути норманнских дружин и отправную точку их сухопутного рейда. А он ожидался на порядок труднее, поскольку впереди у «башмачников» лежали Альпы. В Базеле конунг планировал устроить свой второй плацдарм и оставить здесь речную флотилию. Третьей и последней остановкой норманнов должен был стать уже Ватикан...

Путь к Базелю проходил в тревожном ожидании. Ингъялд Хродмарсон, форинг оставленной в Роттердаме дружины, связался с Торвальдом через штабную радиостанцию и сообщил, что его город только что атаковали Защитники Варшавской и Брюссельской епархий. Удары велись с двух направлений – с моря и суши. Войска Пророка были полны решимости отбить у скандинавов их главную базу и потому перли напролом. Было очевидно, что Пророк основательно подготовил этот контрудар: Защитники не жалели боеприпасов и, похоже, собрали для штурма Роттердама бронетехнику со всех окрестных епархий.

Всю ночь пассажиры «Бельверка» не сомкнули глаз, слушая идущие с севера доклады. Успех боя носил переменный характер. Однажды Защитникам Веры даже удалось прорваться в город, но, хвала Видару, весь отряд закрепившегося у южных ворот противника был перебит до подхода к нему подкрепления. В конце концов, понесся крупные потери, святоевропейцы отступили и отозвали остатки своего потрепанного флота.

Итоги шестичасового боя были не слишком удачны и для норманнов, даже несмотря на их убедительную победу. Погибла треть дружины, был потоплен броненосец «Ньерд» и три легких крейсера, а также подбито четыре танка. «Башмачников» утешало то, что повторный штурм теперь ожидался не скоро. Отступив на безопасное расстояние, Защитники Веры зализывали раны и подсчитывали ущерб, который, даже по предварительным оценкам, выглядел разгромным. Северная армия Пророка нуждалась в срочном пополнении, а это требовало времени и средств.

Торвальд воздержался от поздравлений Хродмарсона с победой, но в целом остался доволен результатами боя. Приказав форингу отправить в Стокгольм корабль за подкреплением, Вороний Коготь сосредоточился на предстоящем взятии Базеля, который должен был показаться на горизонте уже к полудню.

На сей раз брошенный город не вызвал у конунга удивления, хотя вступать в него без разведки он все же не рискнул. Защитники знали, что выше Базеля флот врага не двинется: Рейн у истоков мелел, и если десантные боты могли проплыть по нему еще какое-то расстояние, то для танкеров с горючим река была уже непроходима. В связи с этим норманны были готовы к неприятному сюрпризу: в Базеле Защитники могли попытаться реализовать свой последний шанс взорвать неповоротливые танкеры, пока те не перелили топливо в сухопутные бензовозы. Однако город оказался таким же безлюдным, как и Мангейм.

Обезопасив порт и столкнув вниз по течению брошенный хозяевами речной транспорт, норманны загнали в освободившиеся доки всю свою флотилию. А уже затем взялись укреплять плацдарм в преддверии появления армии Крестоносцев, которая была уже не за горами...

– К нам движутся парламентареры, дроттин, – доложил Горм Фенрир конунгу вечером третьего дня пребывания норманнов в Базеле.

– Наконец-то! А я ждал их еще вчера, – признался Торвальд, развалившись в роскошном кресле местного епископа.

Вороний Коготь устроил в епископате штаб и руководил отсюда подготовкой ко встрече Крестоносцев. Однако по ночам епископат пустел, поскольку Грингсон со свитой предпочитали ночевать на «Бельверке» в неудобных гамаках. Этот суровый походный обычай – никогда не спать под закопченной крышей и не пировать у очага – был перенят видаристами от своих далеких предков-викингов и соблюдался неукоснительно. Ни одна даже самая роскошная кровать в Базеле не была до сих пор испачкана норманнскими одеждами. Да и очаги в домах разжигались лишь для обогрева, а не для хмельных застолий.

Впрочем, о застольях никто и не помышлял. К Базелю подступала огромная армия Крестоносцев, и норманны готовились дать ей отпор: досконально изучали местность, возводили по периметру города заграждения и рыли окопы для БТР, превращая бронемашины-амфибии в укрепленные огневые точки. Город был готов к отражению атаки еще вчера утром, однако Защитники опоздали на сутки. Торвальд предполагал, что знает, чем вызвано это опоздание. Крестоносцы наверняка стягивали к Базелю тяжелую артиллерию, которую по большей части приходилось волочить из Ватикана. Прогнозировать сроки такого марша зимой, через горы, можно было лишь приблизительно.

– Крестоносцы отправили к нам майора и двух лейтенантов, – проинформировал Фенрир Торвальда.

– Послать на переговоры со мной трех хольдов – выглядит как оскорбление, – нахмурился Грингсон. – Скажи, форинг, разве мы этого заслуживаем? Неужели мы и впрямь похожи на грязных варваров?

– Никак нет. Полагаю, ультиматум ватиканцев – это лишь повод для того, чтобы собрать разведданные, – ответил датчанин. – Будет неразумно впускать переговорщиков в город, дроттин. Прикажете гнать их в шею, когда подойдут к воротам?

– Зачем, форинг? – усмехнулся Вороний Коготь. – Веди ватиканцев напрямик сюда. Пророк собрался сровнять Базель с землей вместе с нами, а это можно сделать и без разведки. Да и что такое важное увидят Крестоносцы по дороге в епископат и обратно? Все, что им необходимо, они уже выяснили...

Парламентареров препроводили к Торвальду через двадцать минут. Конунг встретил гостей со строгим лицом и при полном боевом облачении. Майор Сардо – щуплый француз средних лет – и двое сопровождавших его молодых лейтенантов слегка замешкались, увидев наяву свирепого властелина севера, его легендарные «птичьи» глаза и татуированных на лысой голове воронов. Смятение Крестоносцев продлилось всего пару секунд, но от Торвальда оно не ускользнуло.

– Удивлен, майор? – поинтересовался конунг вместо приветствия, на которое ватиканцы, впрочем, тоже не стали тратить время. – Да, это я, тот самый вождь язычников, из-за которых вас выдернули из теплых казарм и отправили сюда пожинать славу и почести. Итак, я вас слушаю.

– Конунг Торвальд Грингсон! – Сардо приосанился и сразу же взял официальный тон. – Я уполномочен передать вам письменное требование истинного представителя власти господней на земле, Его Наисвятейшества Пророка – единственного человека, кому дано право говорить от имени Господа.

Майор подал знак, и один из адъютантов протянул ему кейс. Присутствующие на переговорах Горм и три его хольда насторожились и не спускали с парламентаров глаз, пока Сардо открывал кейс и извлекал из него большой красный конверт с печатью Пророка. И хоть кейс ватиканцев был заблаговременно тщательно проверен, Фенрир не исключал возможности того, что майор умудрился пронести в нем оружие. Было бы чересчур наивно ожидать от Гласа Господнего благородных методов ведения войны.

– Я прошу тебя, конунг, немедленно дать мне ответ на требования Его Наисвятейшества, – добавил Сардо, протягивая Грингсону бумаги.

– Разумеется, майор, – подтвердил Торвальд. – Я не собираюсь томить Пророка ожиданиями из-за столь пустякового вопроса.

Сардо стиснул кулаки, но промолчал. Вороний Коготь ухмыльнулся и передал послание ближайшему хольду. Тот сломал печать, аккуратно вскрыл конверт ножом, вынул сложенный вдвое гербовый бланк и, не обнаружив никаких коварных приспособлений вроде отравленных игл и тому подобного, вернул документ дротину. Торвальд с равнодушным видом бегло прочел ультиматум, после чего обратился к главе парламентаров:

– Майор, я требую, чтобы ты зачитал мне это вслух.

– Я не вправе озвучивать заявления Его Наисвятейшества!.. – воспротивился было Сардо, но конунг перебил его:

– Я настаиваю, майор! Командование избрало тебя из множества достойных воинов для того, чтобы ты ознакомил меня с волей Пророка. Поэтому окажи честь, прочти мне это обращение, как подобает посланнику Гласа Господнего... Ну же, майор, приступай! Я весь внимание.

Сардо забрал у конунга послание и исподлбья взглянул на Фенрира, видимо, посчитав, что страдающий нервным тиком датчанин ехидно подмигивает парламентару, подбодряя его. Затем майор судорожно сглотнул и, оттянув ставший вдруг тесным воротничок, приступил к чтению...

Обращение Гласа Господнего к «поборникам ложных языческих взглядов» было достаточно пространное. Даже для того, чтобы просто прочесть его до конца, требовалось терпение. Для Сардо, который и так весь исходил на нервы, объявление ультиматума превратилось в серьезное испытание, которое майор, к своему стыду, провалил. Грозное послание Пророка, обязанное вгонять в трепет любого неверного, звучало из уст парламентаря сбивчиво и крайне неубедительно. Сардо прошиб пот, лицо декламатора покрылось багровыми пятнами, а дыхание его взволнованно участилось, отчего Крестоносец порой невольно обрывал речь на полуслове. Не прочти Грингсон предварительно документ, конунгу пришлось бы не раз переспрашивать Сардо о многих невнятно озвученных им деталях. Впрочем, о них было несложно догадаться и без подсказок.

Пророк требовал от Вороньего Когтя сдаться без кровопролития, взамен на что всем норманнам была гарантирована жизнь и депортация на родину. Естественно, их оружие и техника доставались Святой Европе в качестве компенсации за нанесенный ущерб. По мнению Его Наисвятейшества, это было просто немыслимой уступкой в адрес Грингсона. Также конунгу Скандинавии и его последователям предлагалось в необязательном порядке публично показаться и отречься от языческих убеждений. После этого Пророк обещал всем видаристам прощение, возврат в лоно Единственно Правильной Веры и право проповедовать ее среди погрязших в язычестве скандинавов. Воистину грандиозные выкройки начертил Глас Господень для шкуры еще не убитого им медведя!

По окончании утомительного чтения майор выглядел так, словно не приехал в Базель на автомобиле, а прибежал трусцой. Было заметно, что Сардо упорно боролся со своей нерешительностью, однако ему никак не удавалось обуздать волнение. Даже адъютанты парламентаря посматривали на него с сочувствием.

Грингсон поднялся из кресла, приблизился к Сардо, забрал у него документ и с нескрываемым превосходством полюбопытствовал:

– Что с тобой, майор? Неужели ты и впрямь решил, что командование отправило тебя на верную гибель? Или тебя беспокою не я, а грядущая битва? Удивительно: ведь ты же сам сейчас объявил, что армия Крестоносцев неустрашима, поскольку на ее стороне всемогущий Господь! Так это или нет, судить не берусь, но признаю, что ваши солдаты, с которыми мне довелось сражаться, – неплохие воины. Так почему ты дрожишь, майор? Разве Крестоносцы не верят в победу? Странно, что после столь проникновенных слов Пророка твоя вера не укрепилась... Взгляни на нас: наши боги сроду не говорят нам перед битвой ничего подобного, но тем не менее мы спокойны как никогда. В чем же дело? Может быть, солдатам Пророка не нравится рай, уготованный им после смерти? Очевидно, я прав. На твоём месте, майор, я бы точно испытывал отвращение от мысли, что мне придется вечность провести в таком унылом раю, как ваш.

– Так о чем мне доложить командованию? – спросил уязвленный Сардо, кое-как уняв дрожь в голосе. Если бы Апостол Защитников Веры вместо этих переговоров усадил Сардо на горячую сковороду, майор, наверное, чувствовал бы себя гораздо лучше.

– Доложи: пусть будут готовы скоро отправиться в свой недостойный рай! – без раздумий ответил Вороний Коготь. – Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам по праву. Отдайте *Гьяллахорн*, и тогда мы пощадим вас и вернемся домой. Иных условий мы не приемлем!

– Хорошо, я в точности передам ваши слова Апостолу Защитников Веры, – кивнул Сардо и откланялся. Добавлять что-либо еще Крестоносец не стал, поскольку счел, что его долг выполнен. И даже перевыполнен, потому что парламентар вернулся от норманнов целым и невредимым. На всем пути от вражеского штаба до ожидавшего его за городом автомобиля майор ежеминутно оглядывался – видимо, никак не мог поверить, что язычники не собираются приносить его в жертву своим кровожадным богам...

– Они в большинстве, но все равно не уверены в собственных силах, – подытожил Торвальд для Фенрира итоги коротких переговоров. – Мы для них словно дикий медведь, которого проще пристрелить издали из ружья, чем лезть на него с рогатиной. Но что будет стоять такой охотник, когда медведь подберется к нему и сломает ружье?.. Займись этим, форинг. Только не воспринимай мои слова буквально и не уничтожай без нужды главное оружие Крестоносцев. Буду тебе крайне признателен, если ты подаришь мне хотя бы один боеспособный трофей из их богатой коллекции. Я хочу, чтобы твои фольменны выступили в путь прежде, чем трусливый майор доберется до своего Апостола.

– Задача ясна, дроттин, – с готовностью ответил Фенрир и повернулся к хольдам: – Кнут и Свейн, вы слышали приказ: через десять минут выступаем! Нильс, ты остаешься здесь... Разрешите идти, дроттин?

– Иди, форинг... Нет, постой секунду! Возьми-ка с собой моего сына и его русского друга. Ты их знаешь – ребята покладистые, обузой не станут. Заодно поучатся у вас кое-чему. Да и с вами им будет намного безопаснее, если ватиканцы нанесут удар прежде, чем вы доберетесь до места...

За две недели, что миновали со дня вторжения конунга Грингсона в Святую Европу, Ярослав немного привык к пропахшей адреналином и порохом атмосфере войны. На пару с побратимом княжич успел поучаствовать в штурме Дюссельдорфа и Бонна. Пусть в арьергарде, но стрелять по живым людям («Врагам! – всегда поправлял себя Ярослав, когда вспоминал об этом. – Я стрелял по врагам, которые только и ждали, чтобы вцепиться мне в глотку!») Ярославу и Лотару пришлось. Княжич, правда, не был уверен, что он в кого-либо попал, но, когда дружинники из их группы сталкивались с Защитниками Веры, он открывал огонь вместе со всеми. Поначалу просто за компанию, наугад. Но, перестав впадать в панику от грохота

выстрелов и свистящих над головой пуль, Ярослав приучил себя экономить патроны и высекать конкретную цель.

Лотар хвастался, что ему удалось подстрелить трех «ватиканских ублюдков». Дабы не ударить в грязь лицом перед побратимом и в то же время не слишком грешить против истины, Ярослав утверждал, что убил одного противника и одного ранил в руку. Разумеется, Торвальдсон все равно обсмеял столь скромные успехи товарища, однако признайся, княжич, что не видел, куда попадали его пули, сарказм Лотара звучал бы гораздо язвительнее.

Княжич мысленно воздавал хвалу Видару за то, что тот позволял наносить боевую раскраску не только кровью лично убиенных врагов. Иначе после каждого штурма Ярослав сверкал бы непозволительно чистой для участвовавшего в бою видариста физиономией, а это выглядело бы весьма постыдно.

Наследник Петербургского князя втягивался в новую, непривычную для себя жизнь постепенно. И хоть зубы его уже не стучали от предчувствия близкого боя, далек был тот день, когда Ярослав с чистой совестью скажет, что сроднился с этим обществом, чей круг интересов ограничивался лишь соисканием воинской славы. Любыми методами и любой ценой, что измерялась только в человеческих... то есть вражеских жизнях.

Ярослав с облегчением замечал, что не он один пытается скрыть страх перед приближающейся армией Крестоносцев. Схватка обещала быть яростной, причем настолько, что матерые вояки признавали это даже до ее начала. По их словам, штурмы Роттердама, Дюссельдорфа и Бонна были лишь цветочками, мелкой военной рутинной. Заверения ветеранов вызывали в княжиче, помимо страха, также закономерное любопытство. Конечно, в идеале хотелось бы понаблюдать за грядущим «Рагнареком» со стороны, но и личное участие в нем будоражило кровь уже одной своей неизбежностью.

Ярослав поначалу не понял, куда позвал его Лотар, заставив собираться в жуткой спешке. Как и многие норманны, княжич ходил поглазеть на явившихся в Базель парламентариев, но не успели они покинуть город, как Лотар уже тащил Ярослава за собой, толкая что-то о приказе отца и предстоящей побратимам ночной прогулке. Из всех ночных прогулок княжич любил лишь их с Лотаром регулярные визиты в одно увеселительное стокгольмское заведение под названием «У прекрасной Хносс». Им заправляла известная на всю Скандинавию фру Свонсен – красавица уже отнюдь не первой свежести, зато в ее подчинении находились лучшие в стране «богини любви», на любой, даже самый экзотический вкус. Другие ночные похождения, а особенно зимние, Ярослава не привлекали. Но приказу конунга княжич противиться не посмел.

Какая именно прогулка им предстоит, Ярослав догадался, когда он и Лотар в компании Фенрира и еще шестидесяти датчан нарядились в маскхалаты и под покровом темноты покинули Базель, отправившись на юго-восток. Количество идущих в рейд бойцов указывало на то, что «Сотня» выдвинулась не на обычную разведку. Дружина Горма явно намеревалась вступить в бой, зайдя Крестоносцам в тыл. Ярослав попытался втихаря выяснить у Лотара, в какой авантюре им суждено участвовать, но побратим приложил к губам палец и шепотом ответил:

– Горм скоро все объяснит. Вот увидишь, будет здорово. Отец приказал нам во всем подчиняться форингу, поэтому даже не вздумай ослушаться его приказа! Как прикажет, так и делай. И желательно без промедления.

Ярослав вообще-то и не помнил, чтобы за прошедшие месяцы он ослушался кого-либо из командиров. Подтвердив кивком, что все отлично понял, княжич двинулся вслед за Лотаром, а тот, в свою очередь, ни на шаг не отставал от хольда Свейна. Скрытый темнотой, Горм шагал где-то впереди, вместе с дозорными, и основная группа ориентировалась лишь по их следам.

Звезды – прилипшие к небосводу искры огненного Муспелля – светили ярко, однако не настолько, чтобы Ярослав мог уверенно ориентироваться ночью в незнакомой гористой местности. Но за время стоянки в Базеле датчане успели хорошо изучить округу и теперь двигались уверенно, не сделав за четыре часа пути ни одной остановки.

Княжич не носил хронометр, но предполагал, что первый привал Горм устроил около полуночи. Датчане расположились на склоне пологой горы, чтобы перевести дух, съесть по паре жирных галет и запить их несколькими глотками сладкой воды. Лотар и Ярослав перекусили вместе с остальными. Короткий отдых закончился также по приказу форинга, который заставил группу выдвинуться вверх по склону и залечь цепью на вершине горы, где уже вел наблюдение один из дозорных. Приписанной к «Сотне» молодежи Горм повелел держаться возле него.

Добравшись до вершины и завалившись вместе со всеми на снег, Ярослав сразу смекнул, в каком направлении им предстоит двигаться дальше. Несколько размытых огней мерцало во мраке приблизительно в километре от позиции датчан. Огни нельзя было принять за звезды: слишком низко и в правильном порядке они располагались. Их короткая цепочка повторяла плавные контуры гряды, над вершиной которой огни и растянулись. Между горой, где затаилась «Сотня», и той грядой пролегала еще одна, чуть пониже своей соседки. С нее можно было уже точно выяснить, кто и почему зажег в горах лампочки, но Фенрир не торопился подходить слишком близко к источникам непонятного света.

Форинг и хольды достали бинокли и взялись пристально изучать окутанную мраком округу. Ярослав и остальные с нетерпением ждали, что обнаружат их командиры. Княжич недоумевал, что они вообще могут рассмотреть в такой темноте.

– Как и предполагалось, на вершине той гряды проложена дорога, – прояснил обстановку Фенрир, продолжая наблюдать в бинокль. Негромкая речь форинга передавалась бойцами дальше по цепочке. – Эта дорога наверняка выходит на Центральный Торговый Путь, по которому Крестonosцы и доставили сюда батарею «Божий Гнев» – дальнобойные самоходные гаубицы. Позиция для нанесения удара по Базелю просто идеальная. Лагерь ватиканцев – к северо-западу от нас, Базель – точно на севере. До города примерно десять километров. Такие гаубицы могут накрыть цель и на большем расстоянии. В батарее – восемь орудий... Кнут, Свейн, я правильно посчитал?

– Все верно, форинг, – подтвердил Свейн. – Восемь крупнокалиберных гаубиц. Десять-двенадцать залпов – и Базелю конец. Надеюсь, мы успеем...

– Погоди, не спеши, – осадил Горм хольда. – Район оцеплен Защитниками Веры. Ближайший к нам сектор оцепления проходит у этой горы. – Форинг обвел рукой ближайшую гряду. – Наша задача состоит в следующем...

Да, такое занятие выглядело куда интереснее беготни по улицам и пальбы наугад при каждом предупредительном окрике! Действовать в команде со знаменитым Фенриром было весьма почетно, и сегодня Ярослав не имел права даже на мимолетную нерешительность. Им с Лотаром придется постараться, чтобы не разочаровать Горма.

В эту ночь Ярослав отринул все терзающие его сомнения насчет правильности жизненного выбора и полностью сосредоточился на происходящем вокруг. Княжич подползал с датчанами к логову врага, и сейчас отвлеченные раздумья могли стоять жизни не только Ярославу, но и остальным.

«Датская Сотня»! Самая одиозная дружина норманнов; слава о ней докатилась и до Петербурга. Княжичу были также знакомы презрительные прозвища датчан: головорезы без родины, вояки подводного королевства и вообще для них обидное – норманны с мокрыми ногами. За такие оскорбления Горм и любой из его дружинников могли прикончить обидчика на месте, однако все эти нелюбезные определения имели под собой основу.

В современном мире легенда об Атлантиде – грандиозном мифическом материке, канувшем в водах океана по вине неизвестного катаклизма, – дополнилась десятком ей подобных. Ирландия, Геркулесовы Столпы, Сардиния, Пелопоннес, Кипр, Малая Азия... Вряд ли Древние предполагали, что их потомки будут употреблять эти географические названия наряду с

именем легендарной Атлантиды. В это число входили также полуостров Ютландия и остров Зеландия. Именно на них располагалась когда-то Дания – ныне не существующая страна, что могла бы с равным успехом войти как в состав Святой Европы, так и Скандинавии. Неглубокие воды пролива Каттегат скрывали под собой историческую родину Горма Фенрира и тех, кто по сию пору продолжал называть себя датчанином. Этим и объяснялась хроническая озлобленность норманнов с мокрыми ногами, которые, в отличие от цыган и байкеров, наотрез отказывались считать себя безродными бродягами.

Прирученное первыми конунгами Скандинавии, дикое воинское сообщество датчан на протяжении долгих лет защищало интересы своих правителей в их извечных конфликтах с собственными ярлами, частенько посягавшими на Корону Севера. Однако в последней борьбе за престол «Сотня» поступилась принципами и перешла на сторону того, кто импонировал датчанам куда больше. Можно даже сказать, что Фенрир сам содрал корону с конунга Буи и водрузил ее на голову мятежного ярла Торвальда. Это обстоятельство наглядно демонстрировало всему миру, кто в Скандинавии являлся реальной политической силой.

Ярослава восхищало, с какой легкостью приспосабливались датчане к любой боевой ситуации. Прямо не люди, а порождения многоликого злобного бога Локи! Их неистовые, но отточенные до мелочей штурмы вражеских укреплений являлись эталонными для каждого воинского подразделения. Но когда обстановка требовала тишины и скрытности, как, например, сегодня, яростные штурмовики преображались в похожих на тени следопытов. Княжич полз по-пластунски за хольдом Кнудом и, к своему великому стыду, признавал, что он, Ярослав, производит шума больше всей остальной группы. Странно, что его еще не наградили за это подзатыльником. Хотя, честно сказать, побратим сопел и скрипел снегом ничуть не тише. Но Лотару-то затрещину не отвесят даже в том случае, если он вдруг сам этого попросит.

Полуторачасовое наблюдение за охраной «Божьего Гнева» позволило вычислить периодичность движения патрулей и зафиксировать смену ранее не обнаруженного датчанами скрытого поста. Едва прежняя смена Защитников удалась на отдых вместе с патрулем, Фенрир тут же отдал команду выдвигаться. У датчан было в запасе двадцать минут до появления следующего патруля, который неминуемо обнаружит ведущие к батарее следы и отсутствие двух часовых. Их следовало непременно устранить – пройти мимо них незаметно для такого количества дружинников не представлялось возможным. Но замаскированная наблюдательная позиция врага была определена, и к ней уже подкрадывалась пара фьольменнов. Основная группа в это время медленно продвигалась вперед. Обломки скал у подножия гряды позволяли датчанам проползти некоторое расстояние, оставаясь вне поля зрения часовых.

Достигнув крайнего обломка, Фенрир остановился и жестом придержал остальных. Минуты три Ярослав слушал лишь собственное дыхание, а затем в морозном воздухе раздались негромкие, но резкие звуки – такие, словно кто-то поблизости чихнул несколько раз подряд. Княжич, однако, догадался, что звуки эти – вовсе не чихание, а выстрелы, произведенные ушедшими в дозор датчанами. Теперь Ярослав получил представление, как будет стрелять его оружие с навинченным на ствол глушителем, которые Горм еще в Базеле раздал каждому идущему в рейд.

Как только выстрелы стихли, тут же неподалеку от Горма шлепнулся прилетевший со склона снежок – условный знак дозорных, оповещающий, что путь свободен. Больше елозить брюхом по снегу было необязательно. Датчане вскочили и, пригнувшись, перебежали открытое пространство. И хоть дружинники были уверены, что их присутствие вскоре обнаружат, они все равно старались ступать след в след – пусть враг сначала поломают голову, с какими силами ему придется вести бой.

Таким же маневром группа преодолела гряду, стремительно взбежав по каменистому склону, будто стая альпийских горных коз. Дозорные, обезвредившие часовых, ждали подхода основных сил, укрывшись в камнях на противоположном склоне. С этой позиции уже просмат-

ривались контуры огромных самоходных гаубиц, расставленных на вершине соседней гряды. В данный момент бойцы «Датской Сотни» находились уже внутри вражеского охранного периметра, и у Ярослава тревожно засосало под ложечкой – дожить до утра представлялось ему сейчас немислимой удачей.

Ретивые дозорные притащили на место сбора группы одного из часовых, раненного в плечо, но еще способного оказать сопротивление. Молодой парень, возможно ровесник Ярослава и Лотара, лежал спиной на снегу, а конвоир придерживал захваченного коленом и затыкал ему ладонью рот. Увидев пленника, Фенрир довольно побряхтел и одобрительно похлопал отличившегося фьольменна по плечу. Присев рядом, Горм приставил глушитель автомата к глазу Защитника, после чего, перейдя на святоевропейский язык, торопливым полусшепотом проговорил:

– Сейчас ты быстро и без запинки отвечаешь на мои вопросы и остаешься в живых. Замешкаешься на пару секунд – и я прострелю тебе голову. Понял?

И Горм подал знак фьольменну, чтобы тот освободил пленника рот.

– Да! – закивал Защитник, вовсе не думая корчить из себя героя.

– Хорошо, тогда приступим... – начал допрос форинг. – Количество солдат в охране?

– Две роты, – как и полагалось, без запинки ответил пленник. – Одна патрулирует, одна в резерве. Лагерь – у подножия той гряды, с противоположного склона. Командующий – полковник Леонетти.

Он указал в направлении орудийной батареи.

– Где расположена радиостанция? – Горм не сомневался, что Защитники Веры непременно притащат с собой передатчик. Армия Крестоносцев шла громить интервентов во всеоружии, и как минимум пара радиостанций у нее должна была иметься.

– У командира батареи майора Бенсона... – Пленник, к счастью, был осведомлен и об этом, хотя рядовой боец мог и не обладать такой информацией.

– Где сейчас майор Бенсон?

– В палатке, рядом с орудийными расчетами. Они находятся в постоянной боевой готовности и ждут приказа ударить по Базелю.

– Количество номеров в орудийном расчете?

– Три.

– Маловато!

– Богом клянусь, это правда! – затрясся от страха Защитник. – Орудие обслуживают всего три человека! Плюс еще восемь солдат из моей роты стоят на постах возле орудий и готовы помочь, если что...

– Ладно, верю, – согласился Фенрир, выпрямляясь и давая понять, что выведал все, что ему необходимо. – Здесь не передовая, в тылу можно штат расчета и урезать. Однако у орудий находятся все-таки по четыре человека, а не по три! Значит, сначала ты мне солгал.

То, что произошло затем, явилось для Ярослава полной неожиданностью. Отвернувшись от пленника, Горм в упор посмотрел на Лотара, прищурился, а после перевел взгляд на Ярослава. Княжич подобрался, весь исполненный нехороших предчувствий, и они его не обманули. Форинг выразительно указал ему глазами на дрожащего пленника и недвусмысленно провел пальцем по кадыку.

У Ярослава внутри все похолодело. Это был один из тех моментов, которые принято называть судьбоносными или переломными. Сейчас от расторопности княжича зависело его будущее. Безмолвный приказ Фенрира уточнений не требовал. Форинг в любом случае собирался расправиться с пленником, что бы тому ни обещал, – враг был хоть и ранен, но вполне способен поднять тревогу. Странно только, почему Горм не выбрал для этой грязной работы Лотара...

Все ясно: проверка! Проверка на благонадежность и силу веры! Кто знает, возможно, Фенрир нарочно пытался сломить дух русского княжича?

Не на того напал, кривомордый мокроногий норманн!

Ярослав передал оружие побратиму, извлек из ножен нож и, придав лицу каменное выражение, шагнул к вытаращившемуся на него пленнику. Охранявший его фьольменн предусмотрительно зажал перепуганной жертве рот и вовремя – та замычала и начала отчаянно вырываться. Еще один дружинник пришел на помощь княжичу и придавил обреченному Защитнику ноги. Обреченный на убийство Ярослав опустил на колено и, стиснув рукоять ножа покрепче, поднес лезвие к вздувшимся яремным венам пленника...

Даже Лотар вряд ли догадывался, каких усилий стоило Ярославу сохранять невозмутимый вид. И все же княжич проявил-таки небольшую слабость: прежде чем резким сильным движением расплатать врагу горло и обагрить руки его теплой кровью, Ярослав закрыл свободной ладонью глаза жертвы и не убирал руку до тех пор, пока конвульсии умирающего не прекратились. Сам княжич смотрел в сторону, будучи не в силах взглянуть на деяния своих рук. И когда Ярослав снял ладонь с лица жертвы, он наконец-то осмелился взглянуть ей в глаза... После чего невольно отметил, что взгляд мертвеца он может выдержать без проблем.

Что ж, насчет своей причастности к гибели этого человека («Врага! Врага! Врага!») княжич уже несколько не сомневался...

Испытание веры следовало довести до конца, благо для этого уже не требовалось особых усилий. Ярослав вытер нож об одежду мертвого Защитника, вложил оружие в ножны и только потом провел окровавленной пятерней по лицу.

«Вот уж не думал, что сегодня я буду первым, кто совершит ритуал Благодарения!» – невесело усмехнулся в мыслях княжич. Чувствовал он себя довольно скверно, однако его уже не мучило – сказывалась привычка.

Ярослав не удержался от искушения взглянуть, какотреагировал форинг на все произошедшее. Хитрый Горм явно подозревал, что Ярославу впервые приходится убивать таким жестоким способом. Фенрира не проведешь, он любого насквозь видит...

От взора датчанина веяло холодом, но презрения в нем точно не читалось. Спасибо и на том, форинг. Княжич прошел испытание, и это главное. А скверное состояние пройдет. Кровавая ночь еще не закончена и успокаивать вздыбленные нервы сейчас не самое подходящее время...

Дальнейшие события сорвались с места и понеслись во весь опор, будто табун взбесившихся лошадей. За остаток этой безумной ночи Ярослав мог не однажды стать героем или покрыть свое имя несмываемым позором. Ни того, ни другого не случилось. Княжич просто подчинялся приказам и не лез на рожон. Может быть, именно поэтому и выжил в Преисподней...

Восемь гаубиц, чьи лафеты представляли собой огромные гусеничные бронемашины, были нацелены на север и располагались в ряд с интервалом примерно в двадцать шагов. Огни, которые датчане засекли еще издалека, горели в маленьких палатках, где прятались от ветра орудийные расчеты. Тут же, на отшибе, стояла большая палатка. В ней, по всей видимости, отогревались майор Бенсон и командиры расчетов. Никому не хотелось мерзнуть в ожидании приказа Апостола, и потому, когда «Датская Сотня» проникла на вражеские позиции, у орудий прохаживались только продрогшие часовые.

Замыкавшие группу Лотар и Ярослав выскочили на вершину гряды последними и стали свидетелями лишь финала операции по захвату высоты. Она была взята в рекордно короткий срок: от силы за полминуты. Побратимы подключились к нападению позже всех и помогли пятерке Горма расстрелять в упор ближайшую палатку. Ее обитатели только-только обеспоко-

ились криками сослуживцев, которых фьольменны уже шпиговали свинцом сквозь палаточный брезент. Часовые и артиллеристы погибли, так и не успев понять, что же случилось.

Майор Бенсон и составлявшие ему компанию командиры расчетов, разумеется, не спали, а, сгрудившись возле включенной в режиме ожидания рации, разгоняли дремоту горячим чаем и игрой в карты. Фенрир не собирался убивать их сразу, поскольку им уже была задумана немислимая по дерзости авантюра, в которой Горму требовалась от врага кое-какая помощь.

Норманны ворвались в командирскую палатку со всех сторон, вспоров тент ножами. Ни о каком сопротивлении речь даже не шла. Кое-кто из офицеров от испуга ошпарился кипятком, кое-кто хотел вскочить и был сбит с ног прикладами, но половина командного состава батареи так и осталась сидеть, выпучив глаза и пооткрывав рты. Карточная партия завершилась для них общим проигрышем, насколько неожиданным, настолько и постыдным.

Перед тем как вытащить ошарашенных командиров из палатки, Горм распорядился занять круговую оборону и расчехлить принесенные фьольменнами с собой пулеметы и гранатометы. Скрытый этап операции грозил с минуты на минуту перейти в открытый бой. Если караул еще не обнаружил следов вторжения, то суeta на вершине горы уже не могла пройти незамеченной. Лагерь патрульной и резервной рот располагался у подножия гряды, всего в двухстах метрах от захваченной норманнами батареи.

План полковника Леонетти, устроившего лагерь в одном из секторов периметра, был прост. По задумке командира, отдыхающая от несения караула рота резерва одновременно перекрывала часть подступов к охраняемому объекту. Рациональное решение? Вполне, думал Леонетти. Но, на свою беду, он не рассчитывал всерьез на то, что норманны возьмутся искать «Божий Гнев», скрытый в горах, вдали от Базеля. Вероятно, самонадеянный полковник был из тех ватиканских вояк, кто упорно продолжал относить интервентов к тупым варварам, а их успех объяснял непомерным везением и количественным превосходством. А пока Леонетти так думал, прямо у него под носом «варвары» просочились сквозь охранный периметр, захватили главный ударный козырь Крестоносцев, а вместе с ним и ближайшую господствующую высоту.

Первые выстрелы раздались со стороны, откуда пожаловали незваные гости. Поднявшие тревогу патрульные пока не видели врага и стреляли в воздух. Этим они извещали остальных, что на охраняемую территорию проникла группа посторонних. Но в лагере Леонетти уже поняли, что у орудий творится что-то неладное. Задрав головы, Защитники перекрикивали друг друга, требуя откликнуться кого-нибудь из артиллеристов или охранников. Датчане могли под дулом автомата принудить Бенсона ответить на призыв, только это не имело смысла – проверка обещала прибыть в любом случае. Поэтому Фенрир дал отмашку фьольменнам открыть по врагу огонь.

Шквальный залп по лагерю Защитников поначалу вызвал среди них панику, однако она быстро улеглась. Солдаты слегка потрепанной роты резерва ретировались с открытого пространства и, засев за скалами, повели ответный огонь. Сам Леонетти чудом выжил после того, как в командирскую палатку угодил гранатометный выстрел, и теперь взялся спешно планировать шторм. Позавидовать полковнику было нельзя даже в случае победы – норманны уже сорвали артналет, а если они еще и уничтожат гаубицы...

Леонетти застрелился через час из собственного пистолета. И хоть к тому времени Защитники еще не утратили шансы отвоевать батарею, это больше не имело для полковника значения. Допущенные Леонетти ошибки привели к тому, что он не только сорвал план грядущей атаки на Базель, но и стал виновным в гибели множества своих собратьев по оружию. Полковник предпочел не доводить дело до унижительного трибунала и пустил себе пулю в висок на глазах у подчиненных...

Фенрир оставил в живых майора Бенсона и командиров расчетов не для того, чтобы проводить их в качестве военнопленных в Базель. Все, что хотел от них Горм, – это перенеце-

лить гаубицы с северного направления на северо-западное и преподать дружинникам ускоренный курс стрельбы из незнакомых орудий.

Безусловно, склонить к измене Защитников Веры было не так-то просто. Но когда требовала обстановка, форинг датчан мог быть на редкость убедительным. Еще до того, как выдвигать пленникам требования, Горм выбрал одного из них и жестоко расправился с ним при помощи ножа на глазах майора и прочих. После чего лаконично обрисовал, что требуется от выживших.

Пятеро, в том числе и сам Бенсон, наотрез отказались пособничать врагам. Фенрир расвирился, но у него не было времени повторять свои требования дважды, и он приказал казнить героев. На сей раз одним из палачей выступил Лотар. Он справился со своей задачей не хуже побратима, чему Ярослав совершенно не удивился – раз уж он прошел испытание кровью, то для Торвальдсона, воспитанного в семье великого воина, такой экзамен оказался и вовсе пустяковым.

Три Защитника Веры, отказавшиеся плюнуть в лицо Горму, изъявили готовность к сотрудничеству, попутно поведав датчанам о своих малых детях, беременных женах и прочих родственниках, которым просто не выжить без погибших глав семейств. Фенрира эти подробности абсолютно не волновали. Вытолкав пленников из палатки, он приставил к двум из них Ярослава и Лотара, приказав побратимам вышибить изменникам мозги, если те выкинут какую-либо глупость. Что конкретно под этим подразумевать, Горм не пояснил, и потому, как только подконвойный начинал мешкать, Ярослав для острастки сразу же охаживал его прикладом.

Адреналин, колотивший Ярослава с момента казни им часового, превратил княжича в такого же безумца, какими являлись все датчане. Ярославу тоже было наплевать на семью несчастного Защитника Веры. Все, чего желал сейчас княжич, – это выжить и не уронить достоинства перед дружинниками и побратимом, причем оба эти желания были неотделимы друг от друга. Прочее княжича не волновало. С ноющей совестью он собирался разобраться позже, и то если будет настроение слушать ее брюзжание.

Между тем на вершине гряды стало не по-зимнему жарко. Рота резерва объединилась с караульной ротой, и обе они усердно взялись поливать захваченную высоту свинцом. Защитники прятались за камнями и не рвались в лобовую атаку. Что они собирались предпринять, мог предсказать даже Ярослав. Наверняка группы Крестоносцев уже взбирались по склону гряды на безопасном расстоянии от батареи, после чего, выйдя на вершину, намеревались ударить по норманнам с обоих флангов. Тогда-то и начнется настоящая заваруха. Но пока летящий снизу свинец был не слишком опасен для артиллеристов.

У датчан имелось в запасе мало времени на постижение новой для себя науки, но они обладали природной предрасположенностью к быстрому изучению военных ремесел. Подготавливаемая конвоирами, троица пленных наводчиков сверилась с таблицами и ускоренными темпами перенацелила восемь орудий на тот район, который на служебных картах Бенсона был заштрихован красными линиями, – место дислокации готовой к удару армии Крестоносцев. Обмануть Фенрира и направить огонь гаубиц в ином направлении наводчикам не удалось бы, и вот почему. Пока датчане-артиллеристы возились у орудий, Горм оперативно разобрался в устройстве вражеской радиостанции и теперь готовился слушать, что начнут сообщать ему – вернее, не ему, а покойному майору Бенсону – из штаба армии Защитников. От того, будет ли в этих сообщениях лишь недоумение или же панический испуг, зависело, насколько точно трофейные гаубицы накроют нужный квадрат. Столь оригинальный и достаточно действенный способ координирования огня наверняка удивил бы тех ватиканских генералов, кто относил норманнов к неотесанным дикарям.

«Божий Гнев» открыл огонь до того, как штурмующие гряду Крестоносцы ударили датчанам во фланги. Ранее Ярослав не подозревал, что такое физическое явление, как звук, ино-

гда бывает тяжелым и твердым, словно железобетонная плита. Нечто подобное обрушилось на княжича прямо из воздуха, когда восемь гаубиц нестройным залпом потопили окружающий мир в грохоте. Камни под ногами дрогнули, а голова наполнилась звоном, сквозь который оружейная стрельба стала казаться лишь стрекотом цикад. Несколько каменных оползней сошло с гряды, а селей у ее подножия посыпались снеговые шапки. Ярослав не догадался заранее заткнуть уши и сразу же об этом пожалел. Однако живо смекнул, как в дальнейшем оградить себя от грохота: подобрав две стреляные гильзы, княжич плотно вставил их в уши, что позволило ему хоть как-то смягчить боль в барабанных перепонках, раздираемых ревом «Божьего Гнева».

Как и ожидалось, рация включилась незамедлительно. Горм с трудом расслышал сквозь гвалт, что именно кричит в эфир разъяренный командующий Крестоносцев. Даже не верилось, что такой благородный человек, как Апостол, знаком с грязной базарной бранью. Согласись покойный Бенсон пособничать врагу, от обещанных ему неприятностей майор застрелился бы гораздо раньше Леонетти.

«Бенсон, Леонетти! Что там у вас происходит? – примерно так звучали слова Апостола, если опустить все его ругательства в адрес горе-артиллеристов. – Кто дал приказ стрелять?! Вы же только что разнесли нашу понтонную переправу! Немедленно остановить огонь и проверить координаты!..»

Понтонная переправа, переброшенная Крестоносцами через Рейн, была отображена на картах Бенсона. Фенрир быстро сориентировался в обстановке и заставил пленных наводчиков немедленно исправить погрешность в наведении. Второй залп «Божьего Гнева» выдался почти идеальным, поскольку после него Апостол заверещал от злобы и ужаса, его голос перебивали доносившиеся из динамика разрывы. После третьего залпа радиопередача прекратилась – либо бесновавшийся от ярости Апостол был разорван снарядом, либо со всех ног бросился спасать свою шкуру. А уберечь ее под ураганным огнем восьми гаубиц являлось очень и очень проблематичным.

Далее новоявленные канониры повели огонь уже не залпами, а в зависимости от того, кто в каком темпе успевал перезаряжать свое оружие. Подсмотрев, как наводчики настраивают прицел, фьюльменны начали сами вносить коррективы в стрельбу, дабы увеличить радиус поражения и уничтожить как можно больше разбегающихся из опасной зоны Крестоносцев. Грохот перешел в непрерывный шквал, и Ярослав пожалел, что не удосужился выучить заблаговременно язык глухонемых – княжич сильно сомневался, что когда-нибудь к нему возвратится слух. Ярослав втянул голову в плечи, но продолжал удерживать на прицеле своего подконвойного – мерзавец мог воспользоваться суматохой и рвануть вниз по склону, к своим. И пусть изменника ничего хорошего там не ожидало, кто знает, какая смерть покажется ему привлекательней.

Но выбирать смерть Крестоносцу не пришлось – костлявая сама нашла его, да к тому же проявила к предателю снисхождение. Ярослав поначалу даже не понял, что случилось с его подконвойным. Внезапно тот рванулся вперед, будто решил убежать, но, сделав всего шаг, споткнулся и ничком рухнул на снег. А через секунду княжич увидел, как из развернутого затылка Крестоносца хлынула кровь.

Ярослав резко повернулся, желая выяснить, кто прикончил его подопечного, и вовремя: прямо на него неслось что-то невидимое и быстрое, фонтанчиками разбрызгивая снег. Княжич метнулся в сторону, уступая дорогу этому стремительному нечто, и припал к земле. И только потом испугался, поняв, что в последний миг увернулся от пулеметной очереди.

Относительной безопасности, которая была на артиллерийских позициях, настал конец. Защитники взобрались на вершину гряды и теперь наступали на батарею с флангов. Перестрелять друг друга они не боялись – гряда в этом месте изгибалась дугой, а «Божий Гнев», как назло, располагался на самом ее изгибе. Датчане угодили под перекрестный огонь, но, в

отличие от Крестоносцев, они уже закрепились на вершине, обустроив позиции в камнях и за бронированными корпусами гаубиц. Ватиканцам же приходилось идти в атаку по отлично простреливаемому пространству. Эта затея не выгорела, и после двух бесплодных попыток отвоевать высоту натиском солдаты Леонетти прекратили жертвовать собой. Их временно утешила промежуточная победа: враг блокирован, и ему уже никуда с этой горы не деться.

Потеряв подконвойного, Ярослав остался без дела и хотел было присоединиться к отбивающим нападение датчанам, но вскоре работа для княжича снова отыскалась. Перемещаться по позициям стало практически невозможно – отовсюду летели тучи пуль. Поэтому норманны отлеживались за укрытиями да поглядывали, не рванули ли Крестоносцы в очередную атаку. Но гаубицы, несмотря ни на что, продолжали свою адскую какофонию. Площадки для оружейных расчетов были обнесены бронированными бортами, однако это порой не спасало артиллеристов от шальных пуль. Едва Ярослав собрался обустроить себе позицию, как из-за борта ближайшей гаубицы высунулся дружинник, быстро огляделся и, заметив княжича, призывно махнул ему рукой, после чего миглом нырнул обратно. Ярослав чертыхнулся, но подчинился: заскочил на корпус самоходной установки и, не задерживаясь под огнем, сиганул через борт, под защиту брони.

Фьольменну, который его позвал, срочно требовался заряжающий, поскольку прежний лежал сейчас у орудия с простреленным горлом.

– Перекатывай болванку сюда и тяни этот рычаг, а потом отжимай и фиксируй этот! – проорал Ярославу стрелок-наводчик, поочередно указав на элементы зарядного механизма. Ничего сложного в этой работе не оказалось, и княжич без проблем справился с перезарядкой гаубицы с первого раза. Упавшую к ногам стреляющую гильзу он безо всяких напоминаний вытолкнул в специальное отверстие в полу, потому что еще снаружи заметил, как избавлялся от гильз его мертвый предшественник.

Грохот внутри бронированной коробки был и вовсе невыносимый. Ярослав хвалил себя за то, что не потерял гильзы-затычки, поскольку те, с которыми он сейчас имел дело, для подобных целей явно не сгодились бы. Лежащий на полу труп мешался под ногами, ботинки скользили по липкой крови, но княжич не обращал на это внимания. Обливаясь потом, он работал, словно заведенный. Ярослав старался не думать о том, что происходит снаружи, и надеялся, что успеет умереть до того, как почувствует боль. Он уже ни капли не сомневался, что въедет во врата Валгаллы именно на этом грохочущем стальном монстре...

Вороний Коготь вывел из Базеля дружины и бронетехнику сразу после полуночи, захватив с собой даже те «Радгриды», что дежурили в окопах у стен города. Разведка еще вечером доложила, где встала лагерем армия Крестоносцев. Наведя понтонную переправу, Защитники форсировали Рейн, продвинулись немного вперед и расположились на холмах примерно в пяти километрах от Базеля, ожидая, пока подтянется арьергард. Атаковать с ходу ватиканцы не стали – поход был долгим, и солдаты нуждались в отдыхе. Также необходимо было привести оружие и технику из походного состояния в боеготовность.

Грингсон считал, что убедил Крестоносцев в том, будто он собирается ждать их под защитой городских стен. Окопы, заграждения, огневые позиции... Парламентеры и ошивающиеся в округе вражеские разведчики видели, с какой тщательностью норманны готовятся к отражению штурма. Что ж, предстояло разочаровать Защитников – их планы менялись. Если штурм Базеля и состоится, то, во всяком случае, не в это утро.

Стратегия Грингсона была простой и гибкой. Пока «Датская Сотня» занимается поиском и уничтожением гаубиц, конунг приближается вплотную к расчехляющим оружие Крестоносцам и в пять часов утра, на рассвете, атакует их лагерь. «Божий Гнев» начнет удары по Базелю гораздо раньше, поэтому норманнам так или иначе необходимо держаться этой ночью подальше от города.

Состоявшийся артналет даст понять конунгу, что операция Фенрира провалилась и единственное в данной ситуации спасение северян от «Божьего Гнева» – это находиться ближе к врагу, сиречь вступить с ним в битву на относительно равных условиях, и пусть победит сильнейший.

Если же до пяти утра артналет не начнется, значит, Вороний Коготь может быть уверенным в успехе датчан и действовать по обстоятельствам: либо биться с Крестоносцами в поле до победного конца, либо отступить обратно в город и ждать их там. Уничтожение гаубиц развязывало Торвальду руки и уже позволяло диктовать врагу свои условия.

Бронированная армада норманнов двигалась по прибрежной долине Рейна, разрывая тишину зимней ночи ревом сотен моторов. Сошедшая с лодок пехота пересела на квадроциклы, а также на броню «Радгридов» и «Ротатосков». Нельзя было, конечно, подвести незаметно такое войско к позициям врага, однако Торвальд все равно приказал водителям не зажигать фары. Коварных препятствий на пустынной холмистой долине не имелось, да и шла армада не слишком быстро, дабы сохранить боевой порядок.

Штабной броневи́к Торвальда «Атрид» находился в арьергарде. На нем была установлена такая же, как на «Бельверке», радиостанция, которая должна была сопровождать Вороньего Когтя до стен Ватикана. В данный момент радист занимался тем, что пытался перехватить переговоры Апостола Защитников Веры с командиром «Божьего Гнева». В эфире царила тишина, хотя, по всем предпосылкам, артналет должен был начаться с минуты на минуту. Либо все распоряжения были уже отданы, либо у артиллеристов отсутствовала рация, что, впрочем, маловероятно – подобных игрушек у Пророка имелось куда больше, чем у Грингсона. Торвальд судил об этом хотя бы по тому, что, в отличие от Скандинавии, в Святой Европе повсюду пользовались телеграфом. Скандинавская наука возрождения технологий Древних двигалась в ином направлении. Грызущиеся между собой ярлы не жалели средств на производство оружия, которое ценилось ими куда выше, нежели средства связи. В будущем Грингсон намеревался исправить эту фатальную историческую ошибку, если, конечно, до того момента Видар не призовет его к себе.

Натянув на лицо теплую маску, Торвальд ехал на броневи́ке, высунувшись по грудь из люка на башне. Конунг не любил прятаться в укрытии без веской причины; мягкий для северянина европейский холод такой причиной, разумеется, не являлся. Грингсон пристально всматривался во мрак, то и дело бросая взгляд на хронометр. Удалось ли Фенриру найти и захватить «Божий Гнев»? Все должно было выясниться с минуты на минуту...

Громовые раскаты и всполохи зарниц на юго-востоке заставили конунга нервно стиснуть зубы. Вот и ответ... Что ж, если Фенрир до сих пор не обнаружил гаубицы, теперь он их быстро отыщет. Плохо то, что «Божий Гнев» рассекретил свое местоположение и ко встрече норманнов там будут готовы во всеоружии. Поэтому никакой внезапности у Горма уже не получится. Вороний Коготь надеялся, что у осторожного и благоразумного форинга хватит ума побереечь бойцов и не штурмовать высоту под плотным огнем.

Грянувшая вдалеке канонада послужила для норманнов заранее оговоренным сигналом к остановке. Не заглушая двигателей, армада встала посреди поля, после чего ярлы повыпрыгивали из своих бронемашин и поспешили к броневи́ку Грингсона для получения дальнейших распоряжений. А Торвальд обернулся и глядел в направлении Базеля, что обязан был вот-вот ощутить на себе всю мощь «Божьего Гнева».

Испугать Вороньего Когтя было не так-то просто. Отец Торвальда, воинственный ярл, павший четверть века назад в одном из сражений, приучил сына к любым превратностям войны. Поэтому Грингсона нельзя было выбить из седла даже во время редких, но случавшихся-таки с будущим конунгом поражений. Давно миновали те годы, когда Торвальд вздрагивал от грохота взрывов, и вот сегодня с ним вновь это случилось, как ни обидно было себе в этом признаваться.

Грохот, равного которому по силе конунг еще не слышал, ударил не за спиной, а где-то впереди. Мгновение спустя до норманнов докатилась сильно ослабленная холмами, но все равно ощутимая ударная волна, а звезды на юге застила непроглядная завеса снега и пыли, поднятых взрывами на огромную высоту. Земля содрогнулась несколько раз подряд, а спешившие к броневикам дроттина ярлы замерли от неожиданности на полдороге.

Однако смятение конунга продлилось куда короче, чем эхо от разрывов.

– Го-ор-р-рм!!! – громогласно проревел Вороний Коготь, потрясая кулаками. – Хвала Видару, тебе удалось это! Удалось, любимец богов!.. – После чего крикнул, обращаясь к ярлам: – Все назад! Назад, слышите?! Отходим к берегу и ждем моего приказа! Выполнять! – И вполголоса добавил: – Молодец, форинг! Только смотри не ошибись с прицелом...

Новая канонада и новая серия взрывов прогремели через три минуты. На сей раз звезды померкли чуть восточнее, а грохот раздался гораздо ближе. Холмы надежно уберегали норманнов от взрывных волн, но не от комьев мерзлой земли, что дождем посыпались на то место, где только что стояли дружинники. С этого момента гаубицы уже били вразнобой, превратив утреннюю тишину в оглушительный звуковой террор, слышимый, наверное, за сотню километров. Пылевая завеса затянула всю южную половину неба. Ветер доносил пыль даже до излучины реки, куда отступили варяги, дабы «Божий Гнев» ненароком не зацепил и их.

Сквозь нескончаемую какофонию порой прорывались отзвуки менее мощных взрывов. Только по ним и можно было определить, что датчане палят не вслепую. В подвергшемся артиллерийскому налету лагере Защитников детонировали боеприпасы и баки с топливом, отчего обстановка там стала еще жарче. Но для Грингсона эти взрывы служили аккордами божественной музыки, ласкающей слух и конунгу, и его воинственным богам.

Внезапно десятки мельтешащих лучей света прорвались сквозь пелену пыли. Лучи держались и металлись во все стороны, словно в темноте, навстречу варягам бежал сейчас сторукий монстр, держащий в каждой руке по фонарю. Невидимое чудовище неумолимо приближалось, но ни один из норманнов не дрогнул, поскольку все они отлично знали, кто именно покажется через минуту из темноты.

При виде световых всполохов лицо Торвальда искривилось от злобы.

– Добить! – рявкнул он столпившимся у его броневика ярлам, которые немедленно бросились к своим дружинам. – Ни одного не упустить! Всех до последнего отправить к их жалкому богу!..

Разъяривший конунга свет испускали фары множества автомобилей, несущихся из лагеря Защитников Веры. Водители Крестоносцев мчались напропалую, словно звери, что стремились удрать подальше от лесного пожара.

Приказ конунга эхом разлетелся по дружинам, и норманны ринулись наперерез противнику. При этом «башмачники» старались удерживать атакующий порядок, дабы стрелки в бронемашинах не угодили случайно в кутерьме из пушек по своим.

Первые вырвавшиеся из мрака вражеские автомобили напоролась на такой плотный свинцовый шквал, что обратились в груды горящего металла еще до того, как их водители сообразили, что происходит. Расправа над остальными – бронетранспортерами, легкими БТР и армейскими внедорожниками – протекала дольше, но и она походила скорее на масштабные стрельбы, нежели на полноценное сражение. Трудности возникли лишь с тремя танками, не слишком быстроходными и потому следовавшими последними. Пока гранатометчики на юрких квадроциклах сумели «зажалить» танки бронбойными снарядами, те успели подбить три «Радгрида» и раздавить гусеницами пять легких «Ротатосков».

На этом волна убегающих от «Божьего Гнева» Крестоносцев спала. Правда, ошалелые одиночки еще продолжали то и дело выскакивать из-под огня гаубиц, но их становилось все меньше и меньше. По приблизительным подсчетам Торвальда, за десять минут его дружинники уничтожили пятую часть всей вражеской бронетехники.

Рация на «Атриде» вдруг ожила, и осипший голос Фенрира потребовал дать ему переговорить с дроттином. Связь была отвратительной, но Торвальд разобрал, о чем спрашивает его Горм.

– В самое яблочко, форинг! – довольно прокричал ему в ответ конунг. – Прекращайте огонь – эти крысы уже разбежались по округе! Теперь наш черед давить их!..

– Все гаубицы захвачены, но мы окружены! – донеслось до Вороньего Когтя сквозь шум помех. – Требую подкрепления! Мы находимся в квадрате... Повторяю!..

– Держись, форинг! – обнадежил его Грингсон. – Подкрепление в пути!.. – И, высунувшись из люка, проорал посыльному на квадроцикле: – Ярла Маргада ко мне! Живо!..

За две с лишним недели войны Торвальд Грингсон не видел более прекрасного рассвета, чем этот. Солнце вставало над Альпами, и его лучи багровыми стрелами пробивались сквозь оседающую пыль и клубы черного дыма. Перед конунгом простиралась огромная, изрытая чудовищными воронками долина. Уже нельзя было определить, где именно находился на ней недавно лагерь Крестоносцев. Взорванная и раскуроченная техника усеивала все видимое пространство. Огонь доедал горящие покрышки и обломки деревянных автомобильных кузовов. Толстый слой пепла заметал останки человеческих тел. Теперь пепел укутывал долину вместо полностью растаявшего на ней снега. Тлеющие обрывки палаток саванами лежали поверх растерзанных трупов. То, что творилось здесь час назад, обещало войти в историю как самое сокрушительное поражение Защитников Веры со дня образования этого святоевропейского братства.

Торвальд решил, что Сверкающий Хьюки, который сопровождал его на «Атриде», непременно должен увидеть такую картину.

– Посмотри на это, Сверкающий Хьюки! – приподняв священную секиру, будто малого ребенка, обратился к ней Грингсон. – Жалкий бог Крестоносцев отвернулся от них! Он отказал в покровительстве истово верившей в него армии! Гляди внимательнее, Сверкающий Хьюки, и запоминай то, что видишь! Сегодня на пиру в Валгалле ты расскажешь о нашей победе Видару и Вали! Знал ли Мидгард что-нибудь подобное со времен Рагнарека? Нет! Но это лишь начало! Скоро великие боги увидят падение Ватикана, этого нового Миклагарда рабов, который презренные европейцы именуют Божественной Цитаделью! «Божий Гнев» у нас, и он готов повернуться против тех, кому служил верой и правдой долгие годы! Разве это может быть простым совпадением?.. Потерпи еще немного, Сверкающий Хьюки, и я отблагодарю тебя и богов так, как не благодарил еще никогда! Они снова будут дуть в свой *Гьяллахорн*, а ты изопьешь божественный нектар – кровь самого повелителя рабов, что величает себя Гласом Господним. Потерпи, Сверкающий Хьюки, и твое терпение будет вознаграждено!..

Несмотря на то что в лагере Защитников не осталось ни одной живой души, праздновать победу конунгу было еще рано. Вокруг Базеля шла сейчас грандиозная охота, какую в этих местах еще не видывали. Норманнские дружины колесили по окрестностям и методично уничтожали выживших Защитников Веры, кому удалось скрыться из зоны артобстрела. Таковых оставалось достаточно много, но они были разобщены и дезорганизованы потерей большей части командного состава. Норманны прикладывали все усилия к тому, чтобы не дать врагу объединиться. Остатки грозного воинства Крестоносцев окружались и немилосердно истреблялись. Каждому фьольменну не терпелось лично изловить Апостола Защитников Веры и доставить его к Вороньему Когтю. Воистину, щедрый получился бы дар – выше Апостолов в Святой Европе стоял только Пророк.

Но командующий армией Крестоносцев так и остался непойманным. Впрочем, мало кто из «башмачников» расстроился по этому поводу. И без того трофеев скопилось столько, что Торвальду было впору за голову хвататься. Оружие, боеприпасы, уцелевшая техника и, пожалуй, самое ценное – артиллерийская батарея «Божий Гнев» и несколько бензовозов. Последние

были эвакуированы из-под огня неизвестными героями-Крестоносцами и потом отвоеваны не менее героическими «башмачниками», которые помешали окруженному врагу взорвать бесценные цистерны с топливом.

Битва, что началась с залпов «Божьего Гнева» и потом распалась на множество мелких стычек, длилась целые сутки. Норманны также понесли в ней потери, но эти потери не шли ни в какое сравнение с прогнозируемым уроном. Пророк уже не мог сформировать новую, равносильную погибшей армии, приди ему на подмогу хоть сам Всевышний. И если раньше святоевропейцы не верили, что норманны доведут войну до штурма Божественной Цитадели, то после тотального разгрома Защитников Веры под Базелем в этом перестали сомневаться даже отъявленные скептики. Наглый грабительский поход, каким считалось поначалу вторжение «башмачников», превратился теперь в трагедию национального масштаба. Северяне чувствовали себя в Святой Европе полноправными хозяевами, выставив беспомощным самого Гласа Господнего. Много призраков успело побродить по Европе за тысячи лет, и вот теперь на эту многострадальную землю забрел размахивающий кровавой секирой Призрак Видаризма...

Новая Мировая война, как называли ее российские газетчики, продолжалась. Эпоха Стального Креста, что наступила в Европе двести с лишним лет назад, грозила завершиться уже в этом году. Что придет ей на смену, страшно было и предположить...

Чья-то тень заслонила солнечный свет, и Ярослав, зажмурившийся и греющий лицо в лучах утреннего солнца, встрепенулся. И тут же не на шутку испугался, спохватившись, что Фенрир вряд ли одобрит такое халатное несение службы.

К счастью, Ярослава побеспокоил не форинг. Да и, надо полагать, тому сейчас было вовсе не до княжича, придремавшего на посту у орудия. Горм докладывал конунгу по трофейной радиостанции об итогах операции и требовал выделить для «Сотни» из захваченной под Базелем техники несколько тягачей, поскольку некоторые из тех, что приволокли сюда гаубицы, пострадали во время боя. Бойцы покойного Леонетти не предполагали, что утром им придется уносить ноги от подоспевшего к датчанам подкрепления, и потому не уничтожили оставшиеся тягачи. А без них транспортировать «Божий Гнев» через горы было бы невозможно.

К Ярославу наведалься на пост его побратим. Лотар остался не у дел, поскольку охраняемую им гаубицу только что погрузили на тягач и отправили в Базель. Нервозное дергание очнувшегося от дремоты княжича позабавило Торвальдсона. Он что-то произнес и потрогал себя за ухо. Однако Ярослав не разобрал ни слова, поскольку до сих пор пребывал в легкой контузии. Этим недугом страдали все без исключения герои сегодняшней ночи, кому пришлось услышать рев «Божьего Гнева».

– Не понимаю! Говори громче! – попросил Ярослав, с трудом различая даже собственный голос.

Вместо ответа Лотар рассмеялся, а затем поднес руку к левому уху Ярослава и, словно фокусник – монету, вытащил оттуда гильзу. Ту, которую княжич не вынул по забывчивости сразу же после приказа о прекращении артиллерийского огня.

Ярослав чертыхнулся, хлопнул себя по лбу и вытащил гильзу из правого уха. Хорошо, что побратим заметил это раньше Фенрира. Вот вышел бы конфуз, явись княжич на доклад к форингу с гильзами в ушах! Никакие бы оправдания не помогли – гарантированно получил бы по шее перед братьями.

– И что, так лучше? – смеясь, поинтересовался Лотар и отшвырнул гильзу в снег. Громкий разговор побратимов больше походил на перебранку, однако все вокруг беседовали сейчас на повышенных тонах: и оглохшие дружинники Фенрира, и фольменны ярла Маргада, которые были просто вынуждены кричать, обращаясь к датчанам.

– Не очень! – признался Ярослав. – Поздно догадался уши заткнуть! В следующий раз буду умнее!

– Как самочувствие? – снова спросил Лотар. Выглядел он бодрее Ярослава, которому никак не удавалось унять ходящие ходуном руки.

– А у тебя? – ответил вопросом на вопрос княжич, кивнув на перевязанное предплечье Торвальдсона.

– Ерунда! – признался тот, поворачивая кистью раненой руки. – Кость целая! Жаль, в Базель только вечером доберемся! Боюсь, для нас с тобой к тому времени там уже работы не останется. Говорят, под городом этой ночью тоже весело было!

– Да уж, веселье... – проговорил Ярослав, глянув на укрытые палатками двенадцать тел датчан, лежащих рядком неподалеку. Трупы врагов были сброшены со склона, дабы не препятствовать погрузке гаубиц.

– Но ты был сегодня молодец! – похвалил побратима Лотар. – Если честно, я не ожидал, что ты так запросто разделаешься с тем ватиканцем. Ну как, теперь почувствовал вкус настоящей жизни? Это тебе не штаны в университете протирать!..

«Смотри-ка, бывалый! – раздраженно подумал Ярослав. – Сам-то небось тоже только сегодня вкусил «прелести» жизни, а уже в наставники метит! погоди, зазнайка, вот сядешь в лужу, посмотрим тогда, кто кого поучать будет!»

– Хочу еще раз с отцом поговорить, чтобы он разрешил нам с тобой собрать собственную дружину, – продолжал Торвальдсон. – Думаю, теперь, когда Горм проверил тебя и меня в деле, отец нам не откажет. Я буду форингом, ты – моим старшим хольдом. Если бросим клич, увидишь: через пару часов уже сотню добровольцев наберем. Старики, конечно, к нам не пойдут, но молодежь потянется, это точно...

«А ведь и впрямь потянется! – мысленно согласился княжич. – Молодежи в войске у Торвальда действительно пруд пруди. Времена непредсказуемые: Лотар уже завтра может унаследовать Корону Севера. Кто из наших ровесников посообразительнее, тот живо смекнет, что ему даст в будущем вовремя оказанная Торвальдсону поддержка. Главное, держать нос по ветру и не упустить момент. Что ж, побратим, дерзай, коли уверен...»

– Хорошая идея, – высказал Ярослав одобрение инициативе Лотара и показал ему большой палец. – Не вижу причины, по которой отец тебе отказал бы.

– Значит, ты со мной, брат? – просияв, осведомился Лотар.

– Конечно, с тобой! – подтвердил княжич. – Всю жизнь мечтал быть старшим хольдом...

Конечно же, на самом деле Ярослав мечтал совсем не об этом. Но раз уж осуществление прежних грез стояло сегодня под вопросом, пришлось выдумать себе новую и утешиться ею. Как утешались дружинники Вороньего Когтя здешними шлюхами в разлуке со своими женами, к которым многим из норманнов уже никогда не суждено было вернуться...

Часть вторая

По следам железной армады

*Все пути ведут в Рим.
Древняя примета*

5

– Прямо как в прежние времена, не правда ли, милейшие? – заметил Конрад фон Циммер, стоя вместе со мной и Михаилом посреди заснеженного поля неподалеку от псковского участка святоевропейско-российской границы. Пребывая в нетерпеливом ожидании, мы глядели на приближающийся к нам с запада автомобиль – маленькую черную точку посреди бескрайней белой равнины. – Брат Эрик и брат Михаил сопровождают магистра Конрада на свершение богоугодных дел...

– Все именно так, ваша честь, кроме одного «но», – возразил Михаил, чей гнев к Конраду давно перегорел и теперь принял форму вялотекущей обиды. – Какими бы полномочиями ни наделил вас князь Сергей, я вам сегодня подчиняться не намерен, и не мечтайте! Мы – ваши сопровождающие, а не слуги.

– Да прекратите же, наконец, называть меня «ваша честь»! – третий раз за день потребовал коротышка-дипломат. – Неудобно, право слово, тем более перед посторонними! Неужели нельзя просто сказать: «Господин Конрад»!

И он кивнул на стоявший неподалеку внедорожник пограничников, что доставил нашу компанию на место встречи со связным. Старшина-водитель решил дожидаться вместе с нами прибытия связного, дабы затем с чистой совестью доложить командованию, что передал наши драгоценные персоны с рук на руки, как и предписывалось.

– Клянусь моими обожженными усами, я скорее зарекусь браниться, чем избавлюсь от этой привычки, – огрызнулся Михаил. – Ишь, чего захотели: «господин»! Много чести будет вашей чести!

– Грубияном был, грубияном и остался, – тяжело вздохнув, посетовал Конрад, видимо, начиная жалеть, что настоял на участии в миссии этого человека.

– Как и в прежние времена, милейший! – развел руками Михал Михалыч. – Кстати, почему вы не замолвили князю словечко за Гюнтера? Уверен, в отличие от меня, наш крупногабаритный друг был бы в восторге от вашей авантюры.

При упоминании громилы-германца, живущего сегодня где-то под Москвой, Конрад скривил лицо и потер правую ягодицу. Там наверняка еще остался шрам от ножа, которым в пылу боя с Охотниками Гюнтер по ошибке угодил не во врага, а в мягкое место бедного магистра. Насколько я был в курсе, Фридрихович так и не добился от обидчика извинений. И вряд ли он имел шанс получить их в будущем – отношения у Гюнтера и фон Циммера не заладились задолго до этого неприятного инцидента. Если, конечно, определение «не заладились» применимо к тому, что Гюнтер не однажды порывался свернуть коротышке шею.

– При всем моем уважении к разлюбезнейшему Гюнтеру, не думаю, что сегодня мы нуждаемся в его услугах, – предельно тактично ответил Конрад. – К тому же согласитесь: глупо вести с собой на дипломатические переговоры человека, у которого на лице написано, что он – прирожденный убийца. Конунг Торвальд может истолковать это как знак неуважения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.